Джон Ди

Иероглифическая монада

Посвящение Максимилиану и двадцать четыре теоремы (1564)

O.V.K - X.T.R

Оглавление

Иероглифическая монада 4

Предисловие 6

Древо редкости 10

Иероглифическая монада, объяснённая математически, магически, каббалистически и анагогически 21

Теорема I 21

Теорема II 22

Теорема III 22

Теорема IV 23

Теорема V 23

Теорема VI 24

Теорема VII 26

Теорема VIII 26

Теорема IX 27

Теорема X 27

Теорема XI 28

Теорема XII 28

Теорема XIII 31

Теорема XIV 34

Теорема XV 34

Примечание 36

Теорема XVI 37

Теорема XVII 41

Теорема XVIII 42

Теорема XIX 46

Теорема XX 47

Теорема XXI 50

Теорема XXII 55

Следствие 58

Теорема XXIII 59

О пифагорейской Четверице 66

Об искусственной Четверице 67

Горизонт времени 71

Горизонт вечности 71

Царство тела, духа и души 71

Теорема XXIV 75

Иероглифическая монада

Джон Ди, лондонец

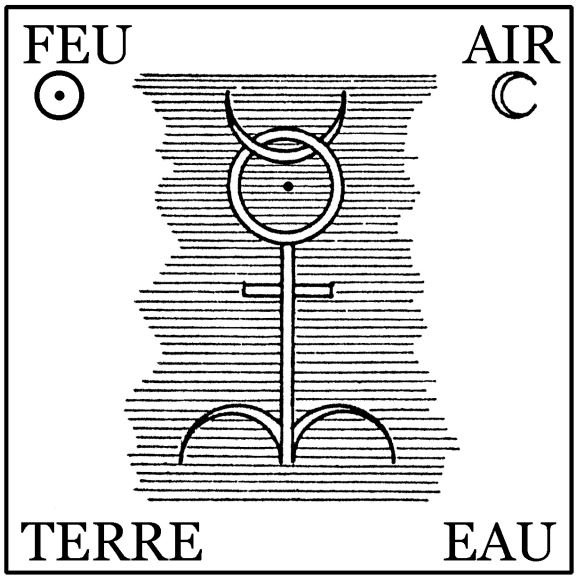
Максимилиану, Божией милостью премудрому королю римлян, Богемии и Венгрии.

Кто не понимает, пусть либо молчит, либо учится.

OU SE TAISE

QUE CELUI QUI NE COMPREND PAS

OU APPRENNE

De la rosé du ciel et de la graisse de la terre.

Genèse (cap. 27).

Огонь. Воздух. Земля. Вода.

От росы небесной и от тука земли. Бытие, глава 27.

Предисловие

Превосходнейшему Величеству славного короля Максимилиана Джон Ди, лондонец, желает счастливейшего царствования.

Две причины, способные побудить человека моего положения преподнести столь великому королю столь малый дар, побудили

меня и к сочинению этого труда: моя величайшая любовь к Вашему Величеству и особенная редкость самого дара, а также его достоинство, которым, несмотря на его малость, не следует пренебрегать.

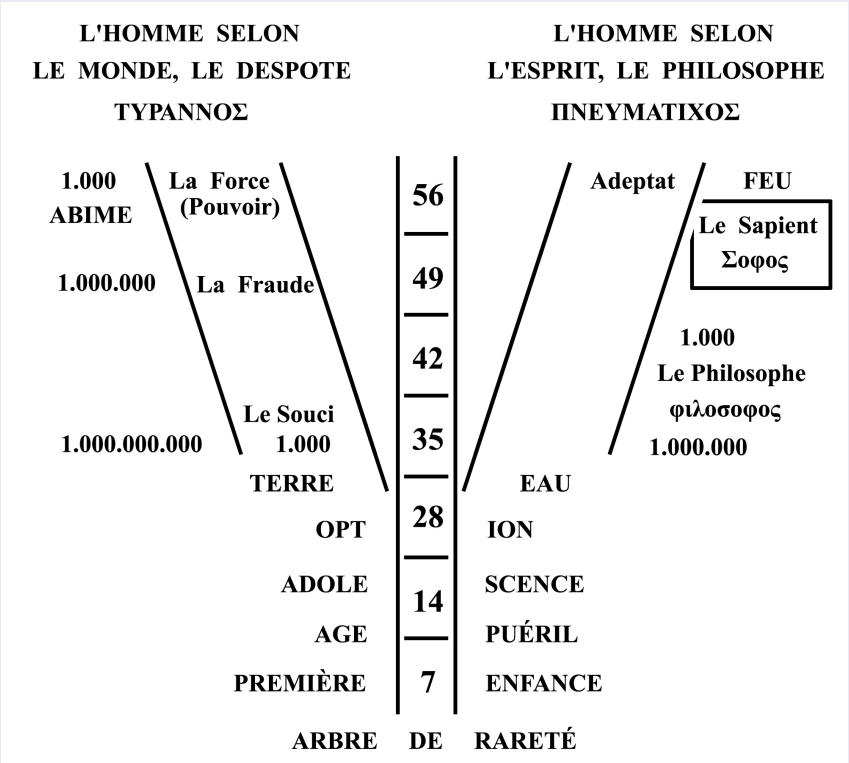
Неизменную любовь к Вам возбудили и породили Ваши дивные добродетели. Они столь велики, что люди, не видевшие их собственными глазами, едва верят тем, кто сообщает о них вещи необычайные, хотя и вполне истинные. Но внимательно и заботливо созерцавшие эти добродетели признают, что, желая описать их, оказываются в величайшей нужде и бедности выражений и слов именно тогда, когда более всего хотели бы распространиться о них в пространной речи. Я сам в сентябре минувшего года, проведя некоторое время в Пресбурге, городе Вашего Венгерского королевства, собственными глазами узнал превосходнейшие и многообразные причины этой трудности выражения.

О редкости дара, по величине действительно ничтожного, скажу настолько кратко, насколько возможно. Среди прочих мнений о течении человеческой жизни мне представляется справедливым, при всём усилии исследующего ума, рассматривать её как разделённую на два пути, из которых почти все предпочитают один. Едва проходят краткое младенчество и детство, как выбор уже начинает терзать души юношей: какой образ жизни принять впоследствии? Перед развилкой, открывающейся их неуверенному суждению, они некоторое время колеблются, затем наконец решаются: либо, привлечённые любовью к истине и добродетели, следовать философскому пути, отдавая ему все силы в остальную жизнь; либо, опутанные мирскими прелестями или воспламенённые жаждой богатства, избрать жизнь изнеженную или корыстолюбивую, всеми возможными средствами усердно трудясь ради неё. И таких ты, несомненно, с величайшей лёгкостью найдёшь тысячу, тогда как из первых, то есть искренне и всем сердцем преданных философии, едва

сумеешь указать мне одного, вкусившего хотя бы первые истинные основания учения о природе. А из тысячи тех, кто всецело посвятил себя изучению мудрости, едва найдётся один, глубоко и вполне исследовавший причины восхода, движения и захода небесных сил, действий и тел и способный изложить хотя бы начальные их основания.

Кто же тогда, преодолев все эти трудности, устремился к созерцанию и постижению сверхнебесных сил и метафизических влияний? Где на всём земном круге, в наши плачевные времена, этот великодушный человек, этот единственный ГЕРОЙ? Ибо, следуя нашей тысячекратной пропорции, принятой не без причины, СРЕДИ СТА МИРИАД ИСКРЕННИХ ФИЛОСОФОВ И СТА ТЫСЯЧ МИРИАД ОБЫКНОВЕННЫХ ЛЮДЕЙ ДОЛЖНЫ МЫ ОЖИДАТЬ ЭТОГО ЕДИНСТВЕННОГО СЧАСТЛИВЕЙШЕГО СЫНА!

Изобразим же по так называемому пифагорейскому способу ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ образ изложенной нами РЕДКОСТИ. Тогда величайшие тайны, которые здесь надлежит рассматривать, сами откроются Вашему Величеству при более внимательном созерцании: так они были описаны, согласно этой формуле, в наших космополитических теориях.

L'HOMME SELON
LE MONDE, LE DESPOTE
ΤΥΡΑΝΝΟΣ
L'HOMME SELON
L'ESPRIT, LE PHILOSOPHE
ΠΝΕΥΜΑΤΙΧΟΣ
1.000
ABIME
La Force
(Pouvoir)
1.000.000
La Fraude
Le Souci
1.000.000.000
1.000
TERRE
OPT
ADOLE
AGE
PREMIÈRE
ARBRE DE RARETÉ
56
49
42
35
28
14
7
Adeptat
FEU
Le Sapient
Σοφος
1.000
Le Philosophe
φιλοσοφος
1.000.000
EAU
ION
SCENCE
PUÉRIL
ENFANCE

Древо редкости

Человек по миру: властитель, TYPANNOΣ	Возраст	Человек по духу: философ, ΠΝΕΥΜΑΤΙΚΟΣ
Сила, власть. 1000. Бездна	56	Адепт. Огонь. Мудрец, Σοφός
Обман. 1 000 000	49	1000
	42	Философ, φιλόσοφος
Забота. 1000. Земля. 1 000 000 000	35	1 000 000. Вода
Выбор	28	Выбор
Юность		Юность
Детство	14	Детство
Младенчество	7	Младенчество

На какой же ступени этой троякой философской редкости, изложенной выше, желал бы я, милостивейший КОРОЛЬ, видеть свой дар? Ты сам, столь превосходящий других познанием величайших искусств и сокровеннейших вещей, легко сможешь догадаться. Не думаю, что мне подобает самонадеянно ставить его в разряд первой и глубочайшей философии. Но, принадлежа более низкому порядку, он, как можно заметить, иногда стремится поднять голову значительно выше. Именно благодаря этой степени совершенства я дерзаю обещать Вашему Высочеству обильные плоды моего дара; также и благодаря его редкости, ибо до последней нити речи он составлен таким способом письма, о котором ни понаслышке, ни из изучения памятников древних я не мог узнать, чтобы посредством него доныне было завершено какое-либо цельное произведение.

Хотя я называю его иероглифическим, рассмотревший его внимательнее признает, что он заключает некоторый математический свет и силу; а это, как известно, даже среди столь редких вещей встречается довольно редко. Не редкость ли,

спрашиваю я, что обычные астрономические знаки планет, извлечённые из утраченных, необъяснимых или по крайней мере почти варварских письмен, могут быть приведены к бессмертной жизни и весьма красноречиво изъяснять собственные силы на любом языке и любому народу? К этому прибавляется ещё одна великая редкость: внешние их тела наилучшими иероглифическими доводами возвращаются к своим мистическим соразмерностям, восстанавливаются такими, какими некогда существовали в первые века или какими наши предки пожелали бы их избрать. В фигурах двенадцатых частей эклиптики, которые мы попытались восстановить, это столь редко, что кажется совершенно новым. А то, что всё заключается в одном иероглифическом знаке Меркурия, снабжённом некоторой заострённой фигурой, — редкость исключительная. Поэтому мы вправе назвать нашу книгу восстановительницей и возобновительницей всей астрономии и в этом роде посланницей нашего יהוה: мы вновь установили или своими указаниями восстановили священное искусство этих обозначений, совершенно забытое и исчезнувшее из человеческой памяти. Всё совершено нами так спокойно и словно само собой, что каждое иероглифическое толкование занимает своё истинное место; во всём этом сочинении нельзя найти ничего натянутого или неуместного. И все будут вынуждены признать исключительную редкость того, что нашей лондонской печатью Гермеса всё это запечатлено для вечной памяти людей таким образом, что для обозначения сказанного в ней нет ни лишней, ни недостающей точки. В особенности это признают те, кто при глубочайших исследованиях философии и мудрости сможет открыто назвать её имя.

Так, грамматики засвидетельствуют это, увидев, что здесь им указываются основания форм букв, их мест и положения в алфавитном порядке, различных соединений, числовой силы и многого другого, что следует рассматривать в первоначальном

алфавите трёх языков. Впрочем, грамматик, способный точно доказать, что грамматика, которой надлежит учиться человеку, есть единая наука, столь же редок, как тот, кого мы выше показали редчайшим на земле и кого некогда защищали в апологии. В 1557 году — в «Зеркале единства, или Апологии англичанина Роджера Бэкона». Но я раскрываю здесь больше тайн, имеющих прочнейшие основания — как в самом искусстве грамматики, так и в открываемом с его помощью, — в священнейших Писаниях всемогущего БОГА, чем мог бы изложить в большой книге или чем можно требовать здесь, в столь тесном пространстве. И не удивляйся, славный король римлян, что я теперь мимоходом говорю о великих тайнах алфавитного письма: ведь Сам, единственный Создатель всех тайн, сравнил Себя с первой и последней буквами, A и Ω. Это следует понимать не только применительно к греческому языку: посредством этого искусства то же можно доказать различными способами и в еврейском, и в латинском. О, сколь велики должны быть тогда тайны промежуточных букв! И нет ничего удивительного в присутствии этого в буквах, поскольку всё видимое и невидимое, явное и сокровеннейшее, природное или искусственное, исходящее от Самого Бога, мы подвергли тщательному исследованию, чтобы прославлять и возвещать Его Благость, Мудрость и Могущество. Поэтому святой Павел в Послании к римлянам, глава I, стих 20, учил, что человеческий род не имеет оправдания, даже если бы у него не было иного письменного памятника, свидетельствующего обо всех этих тайнах, кроме того, который при сотворении перст Самого БОГА начертал во всех созданиях.

Однако сейчас я не притязаю требовать признания этого от всех грамматиков. Я лишь призываю в свидетели исследователей сокровенных тайн вещей, что нашей Монадой мы представили редкий образец этого рода, и дружески напоминаю им: первые мистические буквы евреев, греков и римлян, созданные одним

Богом и переданные смертным, что бы ни возражала человеческая гордость, а также все представляющие их знаки произошли из точек, прямых линий и окружностей, расположенных дивным и премудрым искусством. И хотя вечная Мудрость нашего Небесного Отца учит, что всякое слово Моисеева закона должно соблюдаться до исполнения йоты и точки — святой Матфей, глава V, стих 18, — так что последний анализ закона как бы весь совершается в ЙОДЕ и ХИРЕКЕ, от которых происходят все еврейские буквы и гласные, это не противоречит нашему утверждению: ПРИ НЕПОДВИЖНОМ ЕДИНСТВЕ ХИРЕКА, ИЛИ ВЕРШИНЫ, ТРОИЦА ЕДИНОСУЩНЫХ МОНАД УСМАТРИВАЕТСЯ В ЕДИНСТВЕ ТОГО ЖЕ ЙОДА И ОБРАЗУЕТСЯ НИСХОДЯЩЕЙ ПРЯМОЙ И ДВУМЯ ДРУГИМИ ПРЯМЫМИ ЧАСТЯМИ, СОЕДИНЯЮЩИМИСЯ С ОКРУЖНОСТЬЮ. Этим достаточно глубоким исследованием мы открываем, что первые люди не могли построить по таким мистическим началам удивительное здание еврейских букв и некудот без могучей помощи вдохновения Божественной Сущности. И хотя суждению обыкновенных грамматиков доступны лишь низшие из этих тайн, мудрейшие рассматривают величайшие и превосходнейшие из них и получают через совершеннейшую анагогию наставление, видя, каким чудесным искусством они согласуются с каждой буквой и всяким порождением некудот.

Но, оставив этих философов языка и букв, я хочу привлечь математиков как достовернейших свидетелей редкости дара. Не изумится ли арифметик — я не говорю о простом вычислителе, — когда его числа, которые он держал отвлечёнными от телесных вещей, освобождёнными от всего чувственного и скрытыми в чистом рассудке, занимаясь ими там в тёмных ходах различных умственных созерцаний, предстанут здесь, в нашем труде, словно конкретные и телесные, а их души и формальные жизни окажутся в наших формулах отделены от них самих? Не удивится

ли он чрезвычайно столь великому произведению Монады, к которой не прибавлена и извне не может быть присоединена ради её умножения никакая иная монада и никакое число? Не исполнится ли величайшего восхищения, когда в тончайшем и всеобщем правиле доходов и имущества оценка предложенной неопределённой вещи, словно хаоса, способная разрешить всякое арифметическое сомнение, вместе с её прибылью, ценностью и оценкой скрытого в самой вещи могущества уже при первом рассмотрении неизменно разъяснится десятеричным числом? Геометр, о мой король, начнёт колебаться и с большим трудом примиряться с самим собою относительно начал своего искусства — что особенно замечательно, — когда услышит, как тайна квадратуры, окружности и совершенного равенства этой Иероглифической монады тихо их нашёптывает, обозначает и раскрывает. Здесь знаменитые труды Архимеда могли бы сократиться и увенчаться полным успехом, тогда как он не разрешил задачи, которую исследовал. Достаточно, что он стремился узнать её главные очертания. Какое удивление вправе выразить музыкант, когда без движения и звука постигнет здесь неизъяснимые небесные гармонии! И не пожалеет ли астроном о перенесённых суровом холоде, бдениях и трудах, если здесь, не терпя никаких невзгод от воздуха, под крышей, за закрытыми окнами и дверями, сможет в любое время собственными глазами совершенно точно наблюдать обращения небесных тел — без каких-либо деревянных или металлических машин и инструментов!

И не осудит ли оптик тупость своего ума, потратившего столько усилий на построение зеркала по параболической линии сечения конуса, надлежащим образом обращённой в круговую форму, чтобы солнечными лучами доводить до невероятного жара поднесённое к нему способное воспламеняться вещество, когда здесь треугольным сечением тетраэдра производится линия, из круговой формы которой можно сделать зеркало, способное,

даже когда облака скрывают солнце, силой поистине величайшего жара обращать всякие камни и металлы в почти неощутимый порошок? А тот, кто всю жизнь усердно трудился над тонкими исследованиями тяжестей, сколь удачно сочтёт употреблёнными свои расходы и труды, когда магистерий нашей Монады научит его здесь достовернейшим опытом, что стихия земли может плавать на воде! И те, кто тщательно разбирал основания наполненности и пустоты — спорного вопроса с первых времён философии, — увидят, что по этому закону и словно нерасторжимой связи природы, созданной Всемогущим Богом, поверхности соседних стихий согласованы, соединены и связаны. Это могут с достоверностью показать людям некоторые удивительные действия в огне, воздухе и воде: их можно возбуждать и направлять по желанию вверх и вниз, вправо и влево, принося тем самым народам пользу различными изобретениями, как показывает всё устройство гидравлических машин и прочих чудотворных устройств Герона Александрийского, как ныне принято их называть. Однако никто из них не станет утверждать, будто его искусству принадлежит возможность какой-либо машиной посредством воды извлекать стихию земли и поднимать её в огонь; между тем теории нашей Монады доказывают такую возможность. О премудрый король, положи эти вещи в сокровеннейшие сокровищницы своего ума и памяти.

Теперь я обращаюсь к еврейскому каббалисту. Когда он увидит, что его геометрия, нотарикон и цируф, словно три главных ключа его искусства, действуют за пределами языка, именуемого Святым, и что повсюду, среди встречающихся ему видимых и невидимых вещей, связаны между собой знаки и начертания этой мистической традиции, полученной от Бога, тогда он назовёт и это искусство святым, если поймёт его истинное действие. Он признает, что один и тот же всеблагой Бог без лицеприятия принадлежит не только евреям, но всем народам, племенам и

языкам, и что никакой смертный не может оправдываться незнанием нашего священного языка. В наших «Афоризмах к парижанам» я назвал её истинной, или реальной, каббалой, а другую называю обыкновенной, только словесной, или каббалистической грамматикой, опирающейся на все буквы, которые человек может написать во всех известных алфавитах. Эта реальная каббала, родившаяся для нас вместе с законом творения, как указывает святой Павел, божественнее грамматики: она есть вернейшая истолковательница этих совершенно новых и глубоко сокрытых искусств, в чём другие также смогут убедиться на нашем примере.

Я хорошо знаю, о король, что ты не устрашишься, если даже в твоём царственном присутствии я дерзну предложить эту магическую притчу. Наша Иероглифическая монада содержит, сокрытое в центре центра, некоторое земное тело. Божественная сила, через которую оно должно действовать, сама без слов наставляет его; и как только оно совершит действие, с ним вечным союзом должно соединиться лунное и солнечное порождающее влияние, хотя прежде, на небе или где бы то ни было, оно было совершенно отделено от этого тела. Когда с Божьего одобрения совершится этот союз, который я передал парижанам словами τῆς γάμης γαῖαν, то есть землёй брака, или земным знаком соединения влияний, на родной земле Монаду нельзя питать или орошать далее четвёртого великого, полного и поистине метафизического обращения. Когда же это продвижение завершится, тот, кто питал её, сперва сам исчезнет в превращении и впоследствии будет лишь весьма редко являться глазам смертных. Это, превосходнейший король, и есть истинная и столь часто прославленная — притом без преступления — невидимость магов, которая, как признают все будущие маги, связана с теориями нашей Монады.

Опытнейший врач посредством тех же теорий легко сможет исполнить мистическое пожелание Гиппократа, ибо узнает, что и

к чему должно прибавлять и что от чего отнимать, если отныне охотно признает, что его искусство и сама медицина заключены в чрезвычайно краткой формуле нашей Монады. Гиппократ, «О ветрах». Знаток бериллов сможет здесь в кристаллической пластинке совершенно точно увидеть всё, что находится на земле или в воде под небом Луны, а в карбункуле, или камне Адам, אדם, исследовать всякую воздушную и огненную область. И если двадцать первая теорема нашей Иероглифической монады удовлетворит воархадумика, она предложит ему внимательно рассмотреть Voarh Beth Adumoth; тогда он признает, что для того, чтобы стать философом, ему не нужно путешествовать в Индии или Америки.

Наконец, хотя в другом месте, обращаясь к парижанам, мы писали о высшем, адептическом роде — обо всём самом совершенном, что могли дать, обещать и доставить искусство и двадцать лет величайших трудов Гермеса, — и о том, что принадлежит его Монаде, осветив всё анагогическим доказательством, мы твёрдо уверяем Ваше Королевское Величество: всё это аналогической работой нашей Иероглифической монады выражено с такой точностью, что человеческому роду нельзя предложить иного образца, более согласного с истиной. Это надлежит перенести в себя двояким образом: усвоить само возвышенное произведение и затем подражать возвышению произведения. В 1562 году.

Теперь ты согласишься со мной, король Максимилиан, что я довольно говорил о редкости моего теоретического дара, удостоенного тройной диадемы, и определил его достоинство до последних пределов. Боюсь даже, что для обыкновенных людей, если они услышат всё это, сказано более чем довольно. Итак, о единственное украшение всех королевств, пусть будет достаточно того, что, пока мы тщательно показывали редкость нашего дара, никто, даже самый злоречивый и несдержанный на язык, не нашёл причины заставить роптать эзопову птицу. Все скромные и

мудрые философы признают его столь превосходным, что недостойность подобной клеветы станет очевидной; они не откажутся вместе со мной воздать хвалу и честь тому Фениксу, из крыльев одного лишь милосердия которого мы со страхом и любовью извлекли эти редчайшие теоретические перья. Ими мы прикрываем наготу, унаследованную от Адама, чтобы крепче противостоять жесточайшим холодам нашего невежества и, тесно примкнув к целомудренной Истине, скрыть безобразие заблуждения от глаз предающихся философии. Хотя здесь мы не опираемся ни на какой человеческий авторитет, если наш свет может удачно изъяснить примечательное слово или писание какого-либо древнего философа, мы не отказываемся дружески представить это потомкам. Так происходит с некоторыми тайнами Гермеса, Остана, Пифагора, Демокрита и Анаксагора, к которым мы нисходим от наших иероглифических доказательств, а не выпрашиваем у них, напротив, подтверждения своим словам.

И с такой редкостью повсюду соединено такое достоинство, что мы свидетельствуем: ни открыто, ни скрыто нигде в этой книге нами не помещено ничего, что не было бы честным, искренним, соответствующим человеческому достоинству и чрезвычайно полезным для истинной религии и совершеннейшего благочестия. Как среди столь трудных тайн никто не может идти прямо, кроме обладателя всей их совершенной полноты, так никто не обнаружит скорее свою ребячливость, злобу или надменность, чем тот, кто дерзнёт осудить как нечестивое или отвергнуть как пустое что-либо из вверенного здесь Вашей мудрости. Кого можно призвать свидетелем, если Всемогущий Царь царей никого не сделал более проницательным в суждении, более опытным в деле, более могущественным по власти или более верным по искренности, чем короля Максимилиана? Поэтому Ваше августейшее Величество будет для меня вместо всех прочих. Если эти теории получат его одобрение и будут признаны достоверными, оно не только заградит уста многим

грошовым грамматикам, но и ободрит души многих исследователей философии, уже павших духом из-за провозглашаемой недостоверности столь великих тайн или из-за редкости вещей боящихся надменного суда невежд. Последние имеют обыкновение осуждать добрые занятия вместе с дурными, безрассудно и без разбора, по одному лишь сходству имени. Из прискорбнейшей утраты лучших книг совершенно ясно видно, сколько вреда и те и другие неоднократно наносили христианскому обществу. Но дарованием, способным понять и объяснить столь великие вещи, хотя сначала они и устрашают его, и этим всеобщим, столь же благородным, сколь божественным исследованием тайн, грубо и суетно осуждаемым невеждами, оно, несомненно, вскоре достигнет немалого преуспеяния.

Здесь не место сопоставлять каждую истинную науку с её соперницами — науками ложными, праздными, ненавистными, тягостными и бесполезными человеческому обществу, которые лишь потому, что общедоступны, завлекают и обманывают людей. Мы признаём, что их следует отвергать и осуждать не только по суду толпы, но и по суду мудрейшего, и советуем делать это с величайшим тщанием. Но как люди, не знающие ни существования, ни места, ни качества первых, действительно существенных наук, по отношению к которым эти — лишь тончайшие тени, дерзают и могут с каким-либо подобием основания осуждать необыкновенные занятия необыкновенных людей? Да совершится правосудие. Пусть каждому будет воздано по заслугам. Этим заурядным полузнайкам, которые не только ищут теней великих наук, но и преступнейшим образом подделывают и извращают даже их, мы приписываем безумства и всякое нечестие заблуждений. Напротив, о король, мне представляется не только бесчеловечным, но несправедливым и почти нечестивым по ничтожной клевете толпы оскорблять тех, кто преуспел в добрых и основательных занятиях и столь же славен добрыми нравами, сколь безупречной честностью;

возбуждать ненависть к их имени и занятиям или посягать на их жизнь.

Ибо как повсюду тени любых тел имеют с этими телами общие границы — что прекрасно известно математикам, — так и мудрецы, Sophi, говоря и сочиняя, употребляют выражения, общие и самим истинным телам, и их теням. Там, где невежественные, дерзкие и самонадеянные обезьяны хватают лишь голые и пустые тени, более мудрые философы вкушают сладчайший плод и прочное знание самих тел. Святой Лука, глава 8. Так мы видим, что у первых справедливо будет отнято из рук то, чем они считали себя обладателями, хотя оно было лишь тенью, как непрочное и неподлинное; исследующим же тела вместе с тем достанется всякое честное и законное знание и постижение теней. Поэтому, о король, надлежит правильно выбирать между тенью и телом и различать границы, свойства и употребление каждого. Это царский и императорский меч Правосудия, находящий здесь, как и во многих других случаях, повод исполнить своё божественное служение. Между тем сами мудрецы весьма охотно, посредством совершенного искусства, вводят некоторые теневые фигуры в извилистые ходы самих тел, чтобы ослы, грубо врываясь в сады Гесперид, не пожирали отборнейший салат, когда им довольно чертополоха.

Ты простишь мне, о король, что властью Христа я обвиняю мир в несправедливости. Здесь я вовсе не намерен перечислять прославленные украшения твоей мудрости: для этого ни место, ни время; да это было бы и совершенно излишним. Поэтому я останавливаюсь. Нижайше предлагаю Вашему Светлейшему Величеству это своё дитя, Иероглифическую монаду, по зачатию лондонскую, по рождению антверпенскую, и всеми силами прошу не отказываться ныне стать её восприемником, чтобы впоследствии, возрастая годами и авторитетом, она могла постоянно пребывать в Вашем присутствии. Далее, милостивейший король, я желаю, чтобы она считалась Вашей:

ведь во всё время родов Ваш благосклоннейший взгляд так поставил Вас перед моими глазами, что труд издания стал для меня лёгким и быстрым. Я, сперва вынашивавший её в уме семь лет подряд — как видно из наших «Пропедевтических афоризмов», напечатанных в Лондоне, афоризм 52, — после столь долгого промежутка Вашей невероятной магнитной силой спокойнейшим образом произвёл её на свет в этом нижнем мире всего за двенадцать дней. Чтобы она принесла благо и Вашему августейшему Высочеству, и моим пламенным исследованиям чистейшей Истины, об этом молю священнейшую Троицу, прежде всех веков утверждённую, вечно живущую и царствующую во всемогуществе неизреченной Монады. Ей одной да возвещается и воспевается всяким созданием во веки всякая хвала, честь, сила и слава. Аминь.

Антверпен, 29 января 1564 года.

Иероглифическая монада, объяснённая математически, магически, каббалистически и анагогически

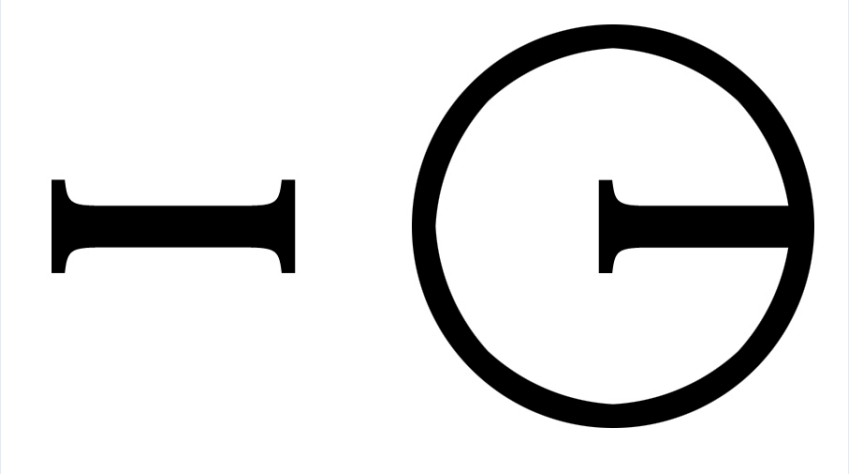
Премудрому Максимилиану, королю римлян, Богемии и Венгрии.

Теорема I

Прямой линией и кругом было совершено первое и простейшее изображение и представление вещей — как несуществующих, так и сокрытых под покровами природы.

Теорема II

Ни круг без прямой, ни прямая без точки не могут быть произведены искусством. Следовательно, силой точки и монады вещи изначально начали существовать. И всё, что относится к окружности, сколь бы великим оно ни было, никоим образом не может обойтись без помощи центральной точки.

Теорема III

Итак, центральная точка, видимая в середине Иероглифической монады, относится к Земле, вокруг которой совершают свой бег Солнце, Луна и остальные планеты. Поэтому, поскольку Солнце обладает высшим достоинством, мы представляем его полным кругом с видимым центром.

Иероглифическая монада.

Теорема IV

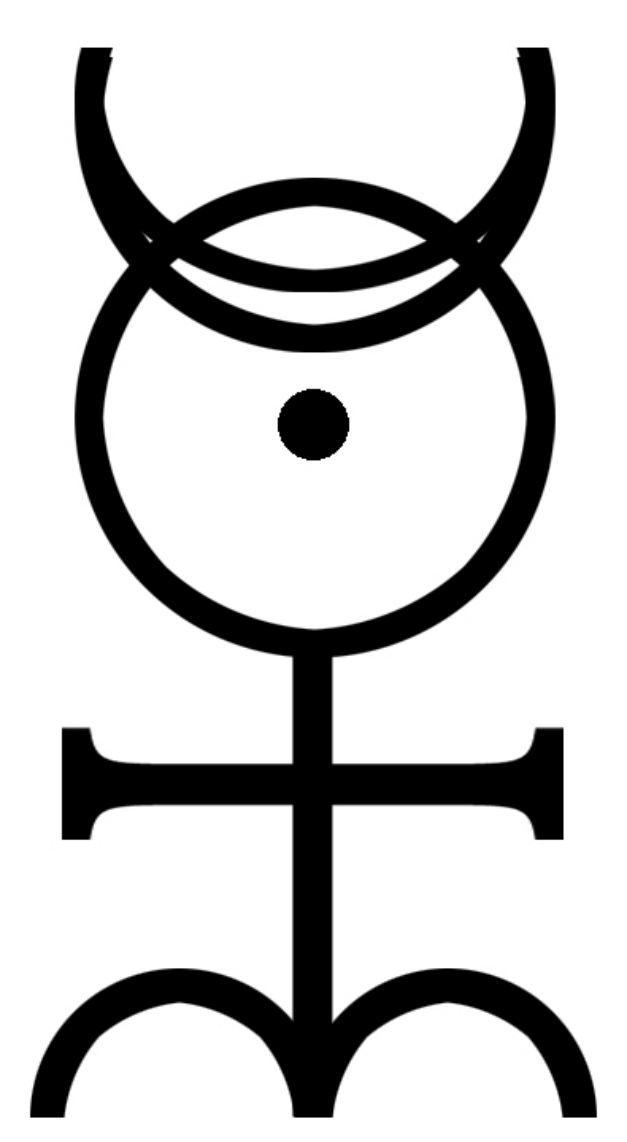
Хотя лунный полукруг находится словно выше солнечного круга и над ним, он всё же признаёт Солнце своим господином и царём. Видно, что он настолько услаждается его формой и близостью, что соперничает с ним величиной полудиаметра, кажущейся обыкновенным людям, и постоянно воспроизводит его свет. Наконец, он так жаждет напитаться солнечными лучами, что, почти превратившись в Солнце, совершенно исчезает с неба, пока через несколько дней не явится в той рогатой форме, в какой мы его изобразили.

Теорема V

Полукругом Луны я действительно даю дополнение солнечному кругу. Из вечера и утра образовался единый день. Пусть же первым будет тот день, в который возник Свет Философов.

Теорема VI

Здесь мы видим, как Солнце и Луна опираются на прямолинейный крест. По иероглифическому основанию он весьма уместно может означать как Троицу, так и Четверицу. Троицу — двумя прямыми и общей для обеих точкой, словно соединяющей их; Четверицу — четырьмя прямыми, заключающими четыре прямых угла. Когда каждый из этих элементов повторяется дважды, перед нами сокровеннейшим образом возникает Восьмерица, которая, как я полагаю, не была известна нашим предшественникам-магам и которую тебе надлежит рассмотреть чрезвычайно внимательно. Магическая Троица первых Отцов и мудрецов состояла из тела, духа и души. Отсюда здесь проявляется первичная Седмерица: две прямые и общая их точка дают три, а четыре прямые образуются той же точкой, разделяющей первые две.

Теорема VII

Когда стихии удалены из привычных мест, отделённые от них однородные части научат опытного человека, что естественное возвращение в эти места совершается по прямым линиям. Поэтому не будет нелепостью изображать тайну четырёх стихий, к которым может быть сведена каждая состоящая из стихий вещь, четырьмя прямыми, расходящимися в четырёх противоположных направлениях из единой неделимой точки. Здесь внимательно заметь: геометры учат, что линия производится движением точки. Мы предупреждаем, что по сходному основанию так должно быть и здесь: в нашей механической магии линии стихий производятся непрерывным падением, словно течением, капель, подобным физическим точкам.

Теорема VIII

Далее, каббалистическое развёртывание Четверицы по обычному способу счёта, когда мы говорим: один, два, три и четыре, — в сокращённом виде представляет ДЕСЯТЕРИЦУ. Поэтому Пифагор имел обыкновение говорить: 1, 2, 3 и 4 составляют десять. Следовательно, не случайно древнейшие латинские философы приняли прямолинейный крест, то есть двадцать первую букву римского алфавита, рассматриваемый как состоящий из четырёх прямых, для обозначения ДЕСЯТЕРИЦЫ. Кроме того, этим самым определено место, куда ТРОИЦА, проводя свою силу через СЕДМЕРИЦУ, поставила его.

Теорема IX

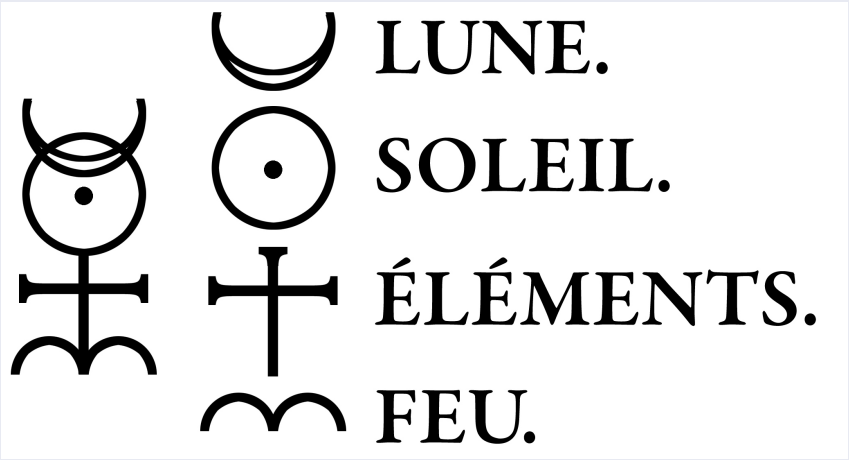
Всё это, как будет видно, превосходно подходит к СОЛНЦУ и ЛУНЕ нашей МОНАДЫ: магией четырёх стихий совершается точнейшее РАЗДЕЛЕНИЕ по их первоначальным линиям, а затем круговое СОЕДИНЕНИЕ в СОЛНЕЧНОМ дополнении посредством окружностей этих же линий. Ибо, какова бы ни была величина данной линии, по законам геометрии можно описать круг, проходящий через её концы. Невозможно поэтому отрицать, сколь полезна СОЛНЦУ и ЛУНЕ нашей МОНАДЫ ДЕСЯТЕРИЧНАЯ пропорция креста.

Теорема X

Следующая фигура додекатемория Овна, употребляемая астрономами, известна каждому: она подобна некоему острому, заострённому сооружению. Достоверно, что она указывает начало Огненного тригона в этой области неба.

Поэтому мы присоединили астрономический знак Овна, чтобы показать: в практике этой МОНАДЫ требуется служение огня. Так мы кратко завершили иероглифическое рассмотрение нашей МОНАДЫ и желаем свести его к следующему единому иероглифическому высказыванию:

ЛУНА. СОЛНЦЕ. СТИХИИ. ОГОНЬ.

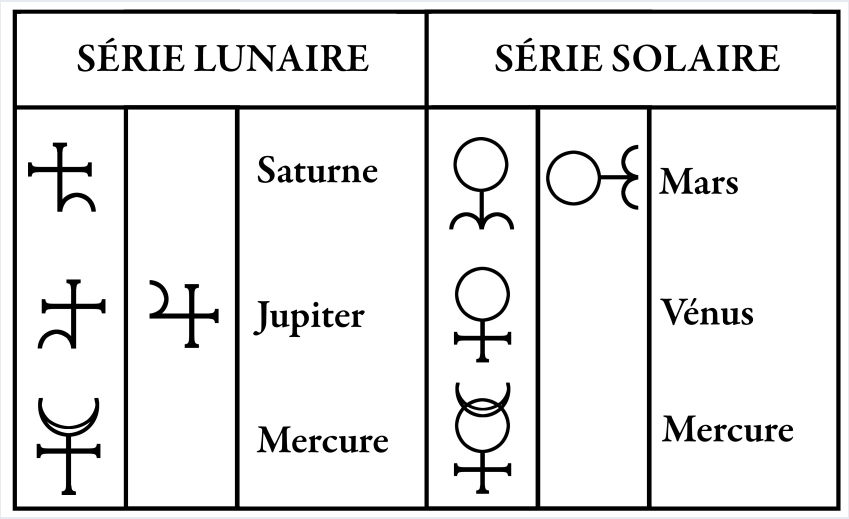
СОЛНЦЕ И ЛУНА ЭТОЙ МОНАДЫ ЖЕЛАЮТ РАЗДЕЛЕНИЯ СВОИХ СТИХИЙ, В КОТОРЫХ РАСЦВЕТЁТ ДЕСЯТЕРИЧНАЯ ПРОПОРЦИЯ; СОВЕРШАЕТСЯ ЖЕ ЭТО СЛУЖЕНИЕМ ОГНЯ.

Теорема XI

Мистический знак Овна, составленный из двух полукругов, соприкасающихся в общей точке, совершенно справедливо приписан месту равноденственных суток. Ибо разделённый равноденствием двадцатичетырёхчасовой период обозначает наши сокровеннейшие пропорции. «Наши» говорю относительно Земли.

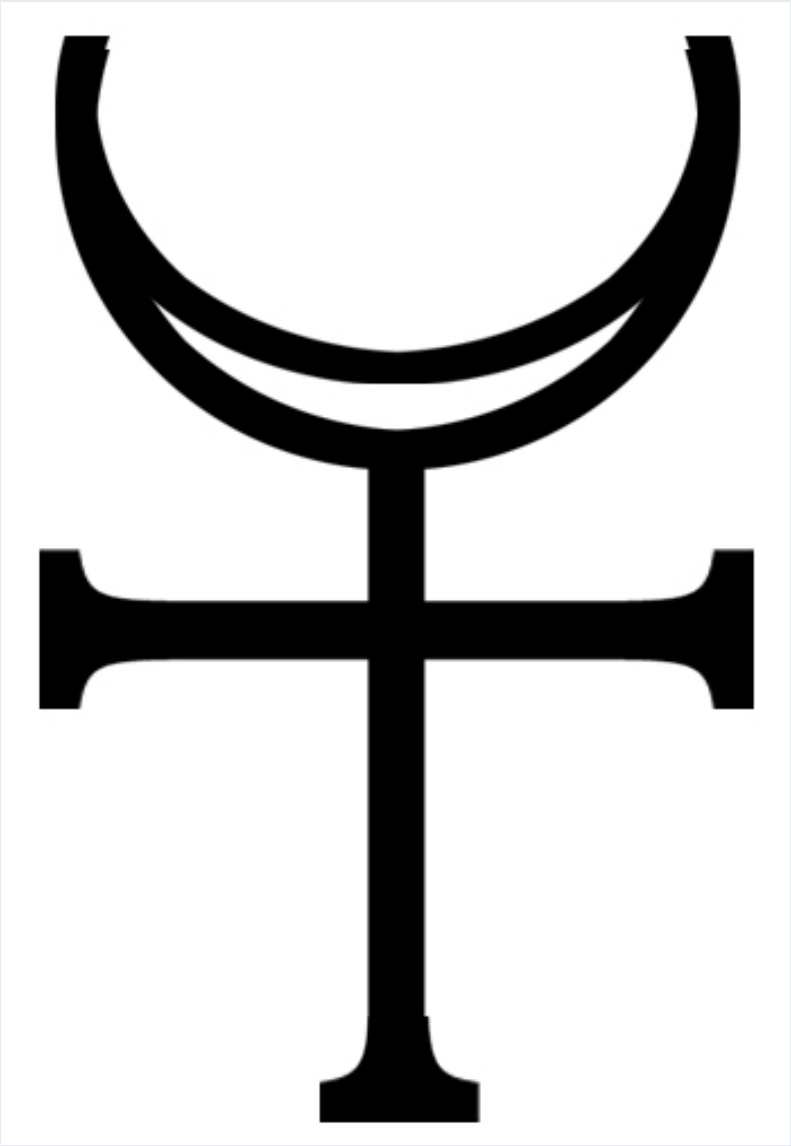
Теорема XII

Древнейшие мудрецы и маги передали нам пять иероглифических знаков планет. Все они составлены из знаков ЛУНЫ и СОЛНЦА вместе со знаком стихий или иероглифическим знаком Овна, как показывают следующие изображения:

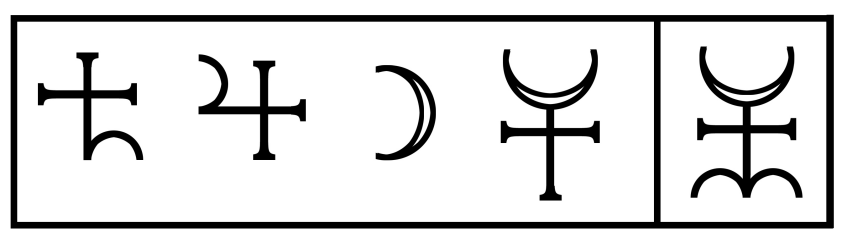
Лунный ряд	Солнечный ряд
Сатурн	Марс
Юпитер	Венера
Меркурий	Меркурий

Каждую из этих фигур нетрудно объяснить иероглифическим способом посредством уже установленных нами начал. Сперва мы иносказательно скажем о тех, которые обладают знаком Луны, затем — о тех, которые обладают знаком Солнца. Когда наша ЛУННАЯ природа посредством науки о стихиях совершила первое обращение вокруг нашей Земли, она мистически именовалась САТУРНОМ. В следующем обращении она носила имя ЮПИТЕРА и сохраняла более сокровенную фигуру. Наконец, Луна, получившая стихийное устроение третьим оборотом, ещё темнее представлялась той фигурой, которую обычно называли МЕРКУРИЕМ. Посмотри, как он ЛУНЕН. Пусть он будет проведён через ЧЕТВЁРТОЕ обращение: это не противоречит нашему тайному замыслу, что бы ни утверждали некоторые мудрецы.

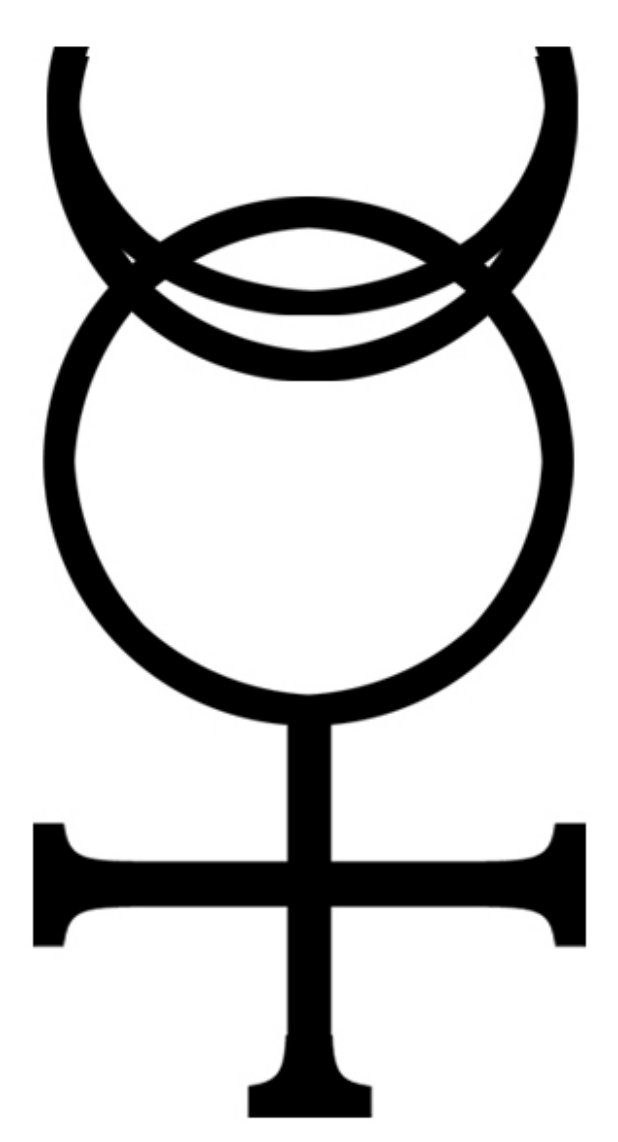
Таким образом, чистейший магический Дух на месте Луны совершит дело убеления и своей духовной силой, наедине с нами, словно в середине естественного дня, заговорит иероглифически

без слов, внося и запечатлевая в подготовленной нами чистейшей и простейшей Земле эти четыре геогамические фигуры, либо последнюю фигуру вместо всех остальных.

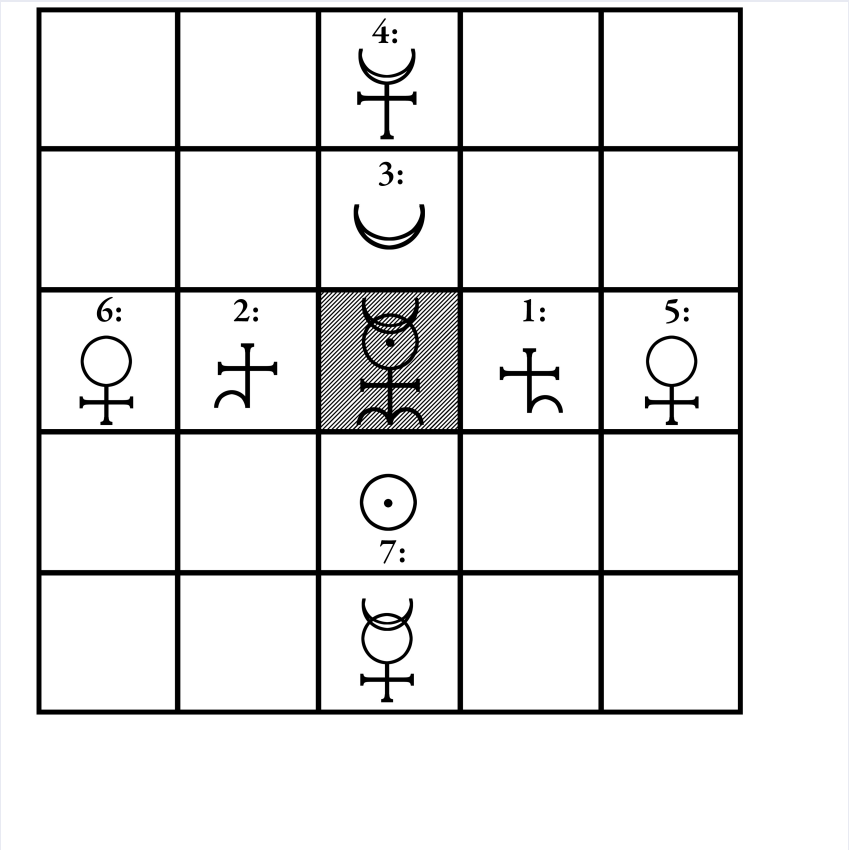
Теорема XIII

Итак, не из иероглифов СОЛНЦА и ОВНА составлен мистический знак Марса, при некотором участии стихийного магистерия? И знак ВЕНЕРЫ, спрашиваю я, не составлен ли из СОЛНЦА и стихий при более полном их развёртывании? Следовательно, эти планеты относятся к СОЛНЕЧНОМУ обращению и делу оживления огнём, ἀναζωπύρησις. В ходе его мы увидим появление другого Меркурия, поистине единоутробного брата первого.

Когда лунная и солнечная магия стихий завершена, этот иероглифический вестник говорит нам совершенно отчётливо, если мы станем внимательнее всматриваться в него и прислушиваться. И по ВОЛЕ БОЖЬЕЙ он есть МЕРКУРИЙ

Философов, преславный МИКРОКОСМ и АДАМ. Впрочем, некоторые из искуснейших имели обыкновение ставить на его место и ступень само СОЛНЦЕ.

В нашу эпоху мы не можем совершить этого, если не поставим над этим золотокоралловым делом некоторую ДУШУ, отделённую от ТЕЛА пирономическим искусством. Сделать это трудно и весьма опасно из-за огненных и серных испарений, которые оно приносит с собой. Но эта ДУША, несомненно, сможет совершать чудеса: например, нерасторжимыми узами привязать к диску ЛУНЫ или хотя бы МЕРКУРИЯ Светоносца и самого Марса, Pyroenta; а в-третьих, как они желают, показать

нам само Солнце Философов, чтобы завершить наше седмеричное число. Посмотри, как точно и как явно эта анатомия нашей Иероглифической монады отвечает тайнам, обозначаемым в этих двух теоремах.

Монадическая анатомия — начало всей нижней астрономии.

Теорема XIV

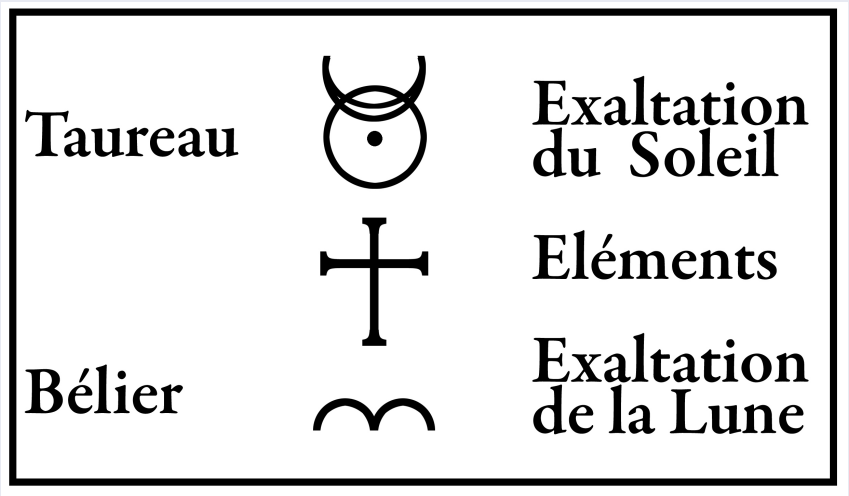
Итак, уже ясно подтверждено, что весь этот магистерий зависит от Солнца и Луны. Трижды величайший Гермес некогда предупредил нас об этом, утверждая, что Солнце — его Отец, а Луна — его Мать. И мы действительно знаем, что он питается красной печатной землёй, terra lemnia, при особенном воздействии окружающих его лунных и солнечных лучей.

Теорема XV

Поэтому мы предлагаем философам рассмотреть возвышения Солнца и Луны вокруг Земли. Для Луны они наступают, когда солнечное сияние входит в Овен: тогда в следующем знаке, то есть в Тельце, Луна получает новое достоинство Света и поднимается выше своих естественных сил. Эту самую примечательную близость светил древние выражали некоторым мистическим знаком под знаменитым именем Тельца. Несомненно, это и есть то возвышение Луны, о котором с древнейших времён письменно свидетельствовали сочинения астрономов. Понимают эту тайну лишь ставшие совершенными первосвященниками таинств. По той же причине они назвали Тельца домом Венеры, то есть супружеской любви, целомудренной и плодовитой: природа, φύσις, радуется природе, как великий Остан скрывал в своих сокровеннейших таинствах.

Для Солнца возвышение наступает, когда, испытав многие затмения своего света, оно получает силу Марса; тогда говорят,

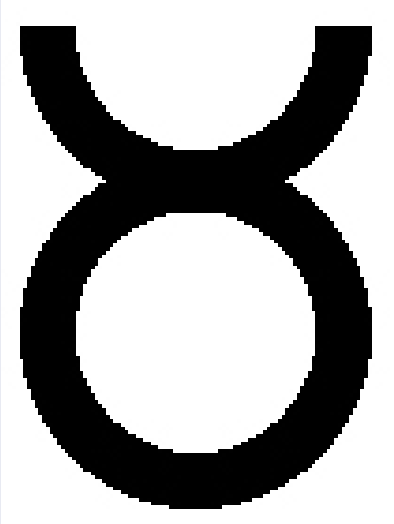
что оно торжествует в своём возвышении в том же доме Марса, который есть наш Овен. Наша Монада совершенно ясно и полно показывает эти сокровеннейшие тайны иероглифической фигурой ТЕЛЬЦА, представленной здесь, и фигурой МАРСА, помещённой нами в теоремах XII и XIII и обозначающей СОЛНЦЕ, устремлённое по прямой к ОВНУ. Таким образом, из настоящего рассмотрения сама собой возникает иная каббалистическая анатомия нашей МОНАДЫ, истинное и точное изъяснение которой таково: ВОЗВЫШЕНИЯ ЛУНЫ И СОЛНЦА ПОСРЕДСТВОМ НАУКИ О СТИХИЯХ.

Телец	Возвышение Солнца
Крест	Стихии
Овен	Возвышение Луны

Примечание

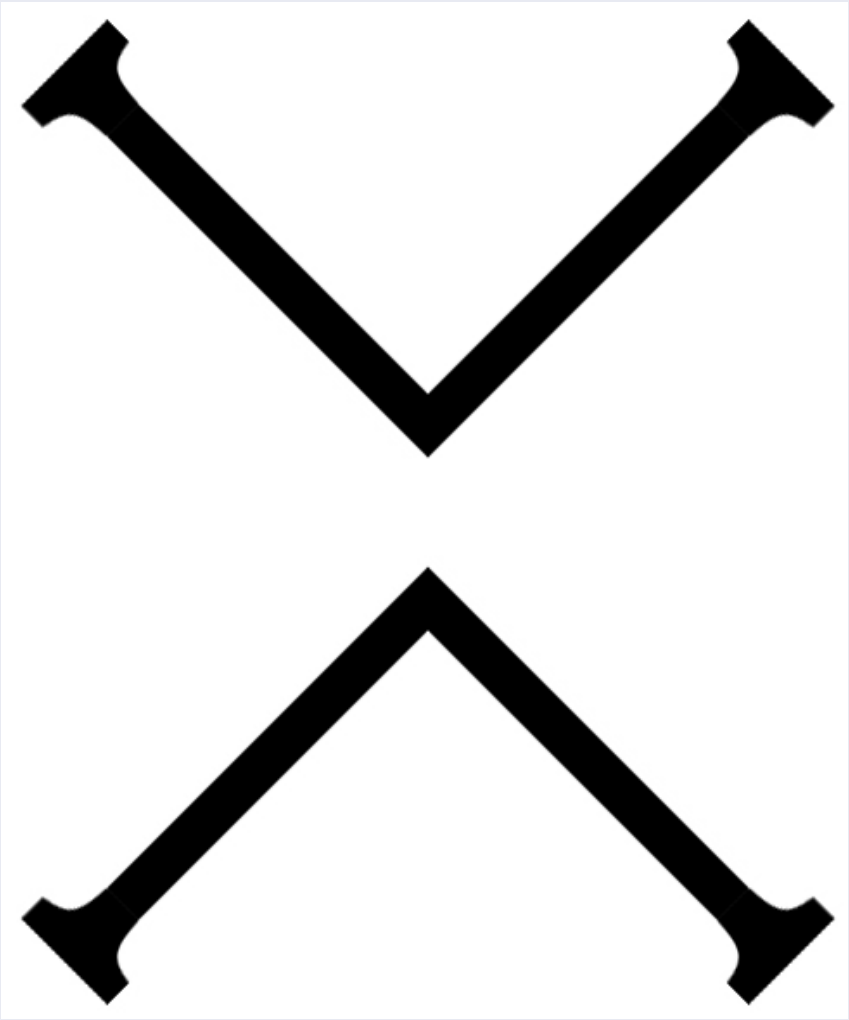
Две вещи, полагаю, следует отметить с особенной ясностью. Во-первых, эта иероглифическая фигура Тельца в точности представляет греческий дифтонг ου, всегда служащий окончанием родительного падежа единственного числа. Во-вторых, простой перестановкой места она двояко показывает букву АЛЬФА, α, через круг и полукруг, которые либо лишь касаются, либо взаимно пересекаются, как здесь.

Теорема XVI

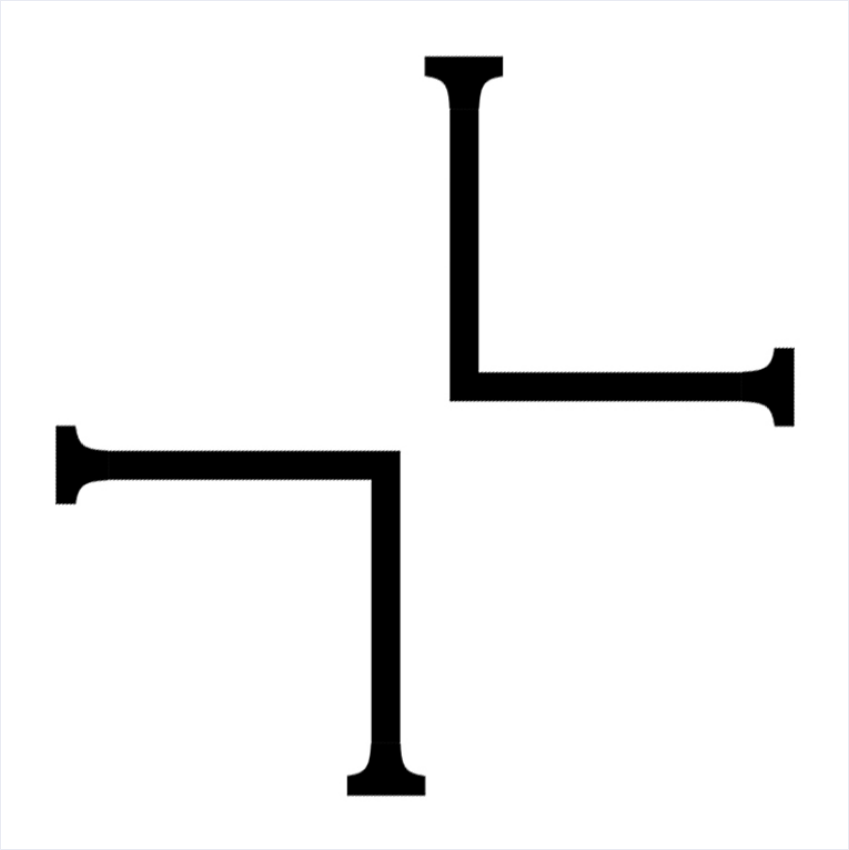
Теперь ради нашего предмета следует немного пофилософствовать о КРЕСТЕ. Хотя наш КРЕСТ, как сказано, составлен из двух прямых, действительно равных между собой, они, однако, не делят одна другую на равные длины. В мистическом распределении нашего креста мы пожелали употребить как равные, так и неравные части. Они показывают, что некоторая сила скрыта также в способности равностороннего креста делиться надвое, поскольку эти части равны по величине. Вообще же, так как крест должен состоять из равных прямых, сама справедливость природы требует, чтобы он образовывался совершенно равным пересечением линий. По правилу этой справедливости мы предлагаем внимательно рассмотреть следующее о равностороннем кресте, который есть двадцать первая буква латинского алфавита.

Если через общую точку пересечения и противоположные при вершине углы прямолинейного, прямоугольного и равностороннего креста провести мысленную прямую насквозь, то по обе стороны этой пересекающей линии образуются две совершенно равные и подобные части креста. Форма их подобна той латинской букве, которая считается пятой среди гласных и у древнейших латинских философов весьма часто употреблялась для обозначения числа пять.

Полагаю, они делали это не без основания: она есть точная половина нашей Десятерицы. Поскольку каждая из частей удвоенной таким мысленным разделением креста фигуры представляет Пятерицу, хотя одна стоит прямо, а другая перевёрнута, разум побуждает нас воспроизвести здесь возведение квадратных корней в квадрат. Это удивительным образом происходит в круговом числе, то есть в Пятерице; оттого

производится число двадцать пять, ведь эта буква — двадцатая в алфавите и пятая среди гласных. Теперь рассмотрим другое положение того же равностороннего креста, подобное положению нашего Монадического креста. Предположим здесь, как выше, такое же разделение креста на две части.

Тогда показывается удвоенная фигура другой буквы латинского алфавита: одна прямая, другая перевёрнутая и обращённая в противоположную сторону. По древнейшему обычаю латинян этой буквой обозначают число пятьдесят. Отсюда, кажется мне, прежде всего следует установить вот что: поскольку этот знак Пятерицы по существу извлечён из Десятерицы нашего креста, а

сам крест поставлен на вершине всех тайн, он есть завершённый иероглифический знак. Поэтому, заключая в своей пятеричной силе могущество Десятерицы, он радуется числу пятьдесят как собственному произведению. О мой БОГ, сколь глубоки эти тайны! И имя EL, данное этой букве! По той же причине мы видим, что она относится к десятеричной силе креста: начиная с первой буквы алфавита, она отмечает Десятерицу креста и равным образом оказывается десятой, если считать от последней. А поскольку мы показываем, что крест содержит две подобные целые части, то, рассматривая теперь лишь их числовую силу, совершенно ясно получаем число сто.

Если же по закону квадратов эти две части взаимно перемножаются, произведением будет две тысячи пятьсот. Этот квадрат, сопоставленный с квадратом первого кругового числа и отнесённый к нему, опять даёт стократное различие, так что сам крест, развёрнутый согласно силе своей Десятерицы, познаётся как сотня. И всё же, поскольку всё это заключено в одной и той же фигуре креста, он представляет также Единицу. Таким образом, эти достойнейшие рассмотрения креста побуждают нас считать и продвигаться так: один, десять, сто. Такова предстающая перед нами десятеричная пропорция креста.

Теорема XVII

Как очевидно из шестой теоремы, в нашем кресте можно рассматривать четыре прямых угла. Предыдущая теорема учит приписывать каждому из них значение Пятерицы при одном первоначальном положении; при другом положении та же теорема допускает, что они становятся иероглифическими знаками числа пятьдесят. Совершенно очевидно, что крест в обыкновенном употреблении обозначает Десятерицу; кроме того, в порядке латинского алфавита он является двадцать первой буквой. Поэтому мудрецы, называемые мекубалами, обозначают этой же буквой число двадцать один. Наконец, его можно простейшим образом рассматривать как единый знак, какова бы ни была иная заключённая в нём качественная или количественная сила.

Из всего этого наилучшим каббалистическим доказательством мы заключаем, что наш крест в дивном сокращении может означать для посвящённых двести пятьдесят два. Ибо четыре раза по пять, четыре раза по пятьдесят, десять, двадцать один и один в сумме дают двести пятьдесят два.

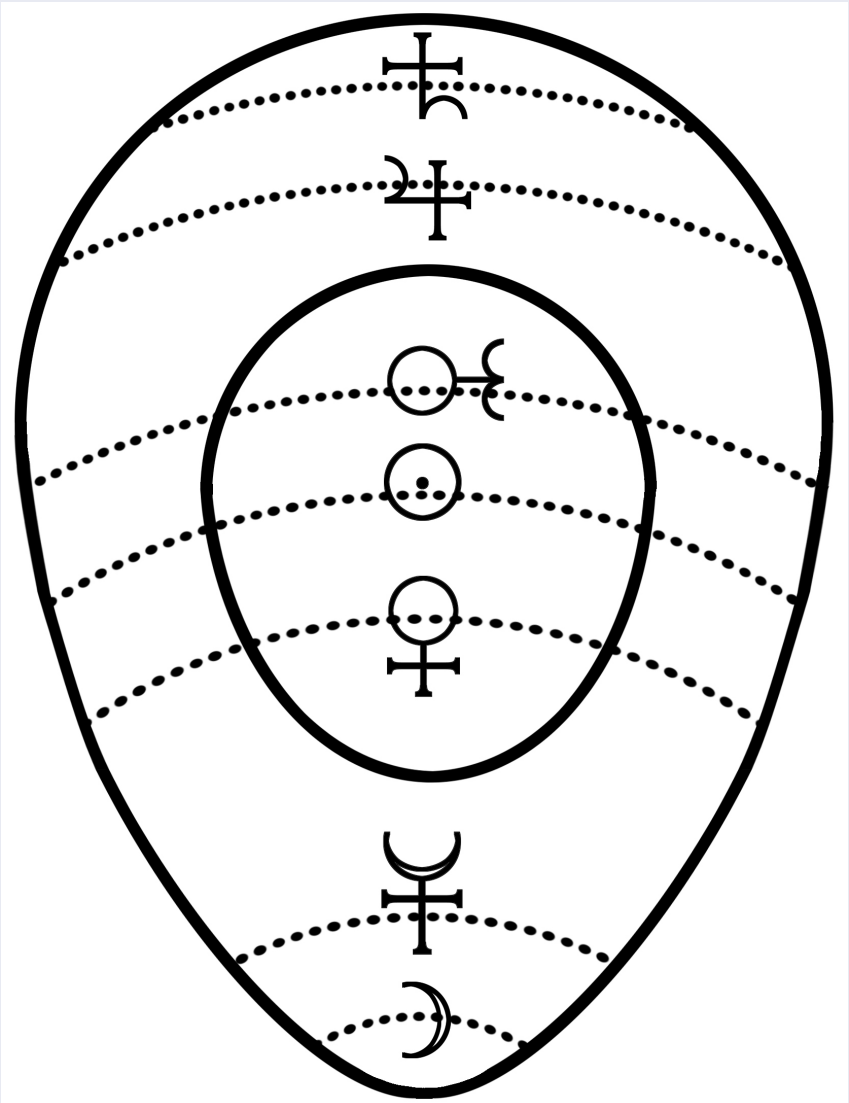
$4 \times 5 + 4 \times 50 + 10 + 21 + 1 = 252.$

Как мы можем вывести это число двумя другими способами, также указанными ранее, так и ещё неопытным каббалистам рекомендуем получить его, изучая краткость вывода и считая многообразное и искусное порождение этого магистериального числа достойным философского рассмотрения. И я не скрою здесь от вас ещё одного достопамятного тайноводства. Наш развёрнутый крест разделяется ещё на две буквы. Если сначала определённым образом исследовать их числовую силу, а затем подобным же образом соединить их словесную силу с тем же крестом, мы с величайшим восхищением поймём: отсюда

рождается Свет, LVX, конечное и магистериальное Слово, через это единение и соединение Троицы в единстве Слова.

Теорема XVIII

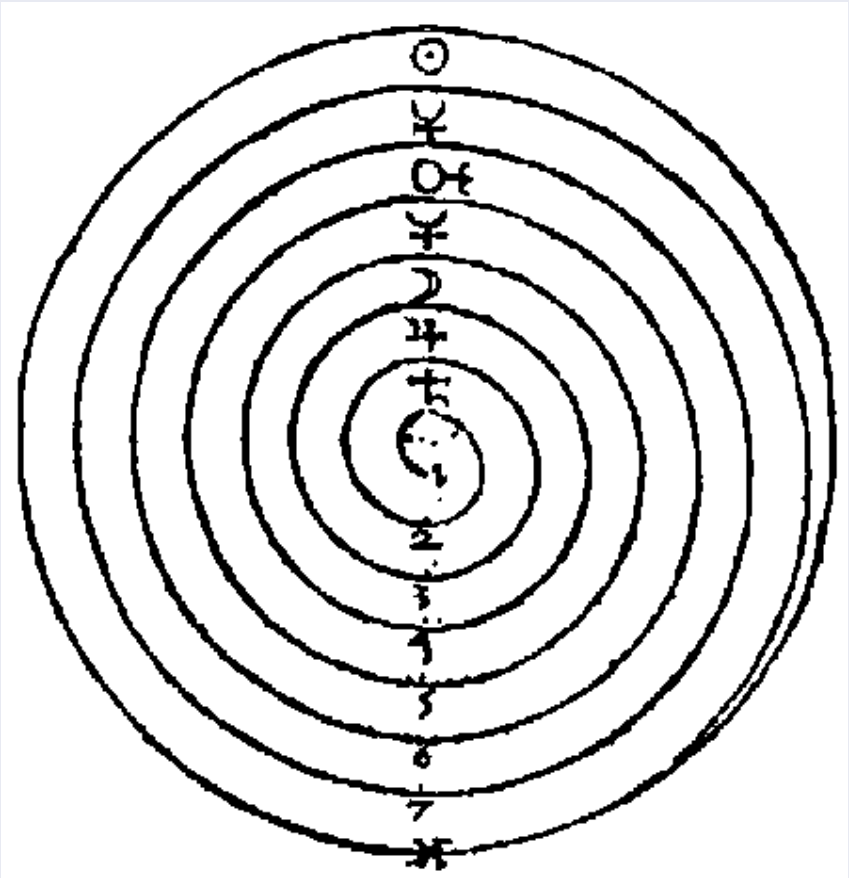
Из двенадцатой и тринадцатой теорем можно заключить, что небесная астрономия есть словно источник и руководительница нижней астрономии. Возведя к небу каббалистические очи, озарённые созерцанием сказанных тайн, мы совершенно точно видим анатомию нашей Монады, неизменно являющуюся нам в Свете и Жизни Природы и собственным движением весьма ясно открывающую сокровеннейшие тайны этого физического анализа. Наконец, созерцание небесных и божественных действий этого небесного вестника побудило нас приложить к такому согласованию фигуру Яйца. Всем астрономам хорошо известно, что его путь в эфире изображается овалом. А поскольку мудрец должен понимать с полуслова, вот наши предлагаемые здесь иероглифические истолкования этого небесного совета, вполне согласные со всем предшествующим.

Предупреждённые здесь, пусть несчастные алхимики научатся узнавать свои многочисленные ошибки и поймут, что такое вода яичного белка, что такое масло желтка и известковая скорлупа яиц. Пусть к своему отчаянию эти неискусные обманщики

поймут все многочисленные подобные выражения! Здесь мы почти всё соразмерили с самой природой. Это то самое яйцо Орла, которое некогда разбил Скарабей из-за обиды, причинённой жестокостью и насилием той птицы робким и простодушным. Она преследовала даже тех, кто бежал в убежище Скарабея, моля о его помощи. Но один Скарабей счёл, что после столь великой дерзости он должен во что бы то ни стало отомстить за обиду. Пылкий нравом, готовый совершить это постоянством и волей, он не был лишён ни силы, ни разумения. Поэтому, преследуя Орла различными способами и воспользовавшись тончайшим искусством навоза, Скарабей наконец добился, чтобы его яйцо, даже положенное в лоно Юпитера, низверглось на землю и разбилось. Этим или иным способом Скарабей совершенно истребил бы с земли весь орлиный род, если бы Юпитер, предупреждая столь великое бедствие, не постановил, чтобы в ту пору года, когда орлы внимательно стерегут яйца, ни один скарабей не прилетал к ним.

Поэтому я советую страдающим от жестокости этой птицы научиться этому весьма полезному искусству у солнечных насекомых, Heliocanthari, столь долго живущих в сокрытии. По их указаниям и знакам им было бы весьма приятно, хотя бы они пока не делали этого сами, суметь отомстить врагу. И, о король, если бы присутствовали те, к чьим душам он впервые дерзнул обратиться о высочайших тайнах природы, они признали бы, что меня побуждает не Эзоп, а Эдип.

Я достоверно знал некоторых людей, у которых, если бы они искусством Скарабея растворили орлиное яйцо и его скорлупу в чистом белке и сперва смешали всё вместе, а затем искусным способом покрыли эту смесь всей жидкостью желтка, непрерывно катая и перекатывая её, как скарабеи скатывают свои земляные шарики, совершилось бы великое превращение Яйца. Сам белок исчез бы, словно обёрнутый многими спиральными кругами, внутри той же жидкости Желтка. Иероглифическая фигура этого искусства не будет неприятна распорядителям Природы. Мы читаем, что в первые века это искусство

прославлялось почтеннейшими древними философами как весьма достоверное и полезное. Анаксагор затем приготовил посредством этого магистерия превосходнейшее лекарство, как можно увидеть в его книге περὶ τῶν ἐκ στροφῶν φυσικῶν. Искренне посвятивший себя этим тайнам ясно увидит здесь, что ничто не может существовать без иероглифической силы нашей Монады.

Теорема XIX

Что Солнце и Луна гораздо более всех остальных планет изливают телесные силы во все нижние тела, составленные из стихий, доказывает пирономический анализ всякой телесной вещи: при этом анализе они испускают водянистую влагу Луны и огненную жидкость Солнца, которыми поддерживается вся земная телесность смертных вещей.

Теорема XX

Хотя выше мы достаточно доказали надлежащим иероглифическим основанием, что стихии представлены прямыми линиями, всё же дадим ещё точнейшее рассмотрение точки, являющейся словно центром нашего креста. Она никоим образом не может отсутствовать в нашей Троице. Но если кто-либо, не знающий божественной математики, станет утверждать, что при этом положении нашей Двоицы точка может отсутствовать, пусть на мгновение предположит её отсутствие. Тогда оставшееся уже не будет нашей Двоицей: с удалением точки и разрывом единства линий явится Четверица. Между тем наш противник предположил вместе с нами, что остаётся Двоица. Следовательно, при одном и том же рассмотрении Двоица и Четверица оказались бы одним и тем же, что явно невозможно. Значит, точка должна присутствовать по совершенной необходимости: вместе с Двоицей она составляет нашу Троицу, и ничто не может быть поставлено на её место. Однако она не принадлежит ипостасной особенности этой Двоицы и вовсе не является её составной частью.

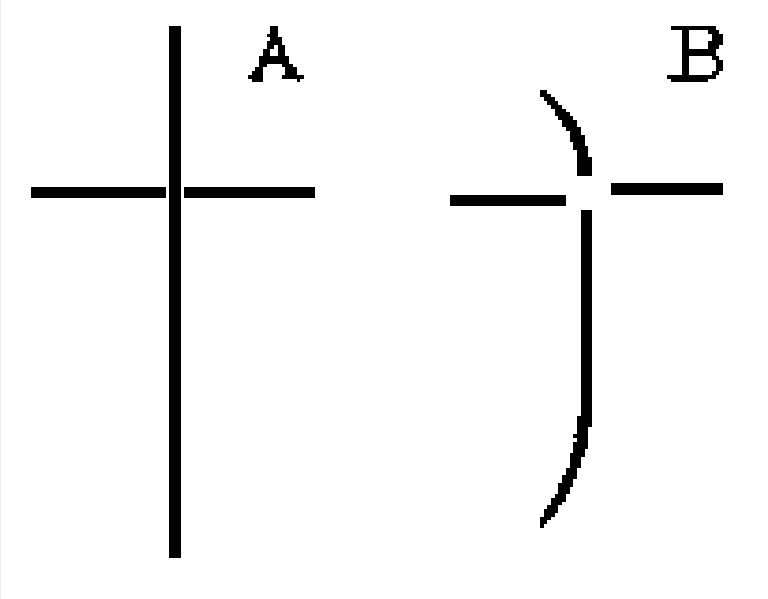
Это доказывается следующим образом. Все части линии суть линии. Но здесь — точка, как подтверждает предположение. Следовательно, она не является частью этой Двоицы и тем менее — частью её ипостасной особенности. Далее, прежде всего надо заметить, что она обладает собственной ипостасью и совершенно не содержится в линейных протяжениях нашей Двоицы. Но поскольку видно, что она обща обоим протяжениям, считается, что она получает некоторый тайный образ этой Двоицы. Отсюда мы показываем здесь Четверицу, покоящуюся в Троице. Прости меня, о мой Бог, если я согрешил против Твоего Величества, открывая столь великую тайну в писаниях, доступных всем! Но надеюсь, что истинно поймут её лишь достойные.

Продолжим теперь исследование указанной Четверицы нашего креста. Затем спросим, может ли точка быть удалена с того места, где она изображена. Математика учит, что её легко можно переместить: после отделения не только остаётся наша Четверица, но она становится гораздо яснее и отчётливее для всякого взора. Отбрасывается и удаляется не часть её существенной пропорции, а лишь излишняя точка смешения.

О всемогущая Божественная Величественность! Насколько мы, смертные, принуждены исповедовать великую мудрость и неизреченную бесконечность тайн, пребывающих в установленном Тобою законе со всеми его точками и буквами, если величайшие земные тайны и сокровенности могут быть вернейшим образом объяснены и доказаны многообразным раскрытием этой единственной точки, помещённой и рассмотренной мною в Твоём свете! Эта точка, конечно, нисколько не излишня в божественной Троице; но, рассматриваемая в царстве четырёх стихий, она, напротив, темна, тленна и илиста. О трижды и четырежды счастливые, способные обрести эту словно соединяющую точку Троицы и отбросить и удалить тёмную, излишнюю точку Четверицы, начало мрака!

Так мы достигнем украшения белых одежд, блистающих словно снег. О Максимилиан! Да сделает тебя Бог этим тайноводством наконец могущественнейшим из всех — или кого-либо другого из Австрийского дома, когда я упокоюсь во Христе, — чтобы утвердить честь Его грозного имени среди этих отвратительных и даже нестерпимых теней излишней точки на земле. Но, чтобы самому не растекаться излишними, то есть неуместными, словами, я немедленно возвращаюсь в пределы своего предмета. Закончив речь для тех, кто помещает глаза в сердце, теперь я должен преобразить её для тех, кто, напротив, помещает сердце в глаза. Вот фигура креста, способная некоторым образом представить сказанное о нём: сперва две равные линии, равно и неравно пересекающиеся через необходимую точку, как видно в

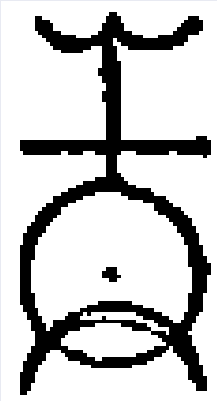
A; затем четыре отдельные прямые, как в B, словно через некоторую пустоту, произведённую удалённой точкой, отделённые от прежде общей им точки без малейшего ущерба для себя.

Это путь, которым наша Монада, проходя через Двоицу и ТРОИЦУ в очищенную ЧЕТВЕРИЦУ, возвращается к себе самой, объединённая пропорцией равенства, так что теперь целое равно всем своим частям. Пока это происходит, наша Монада не принимает ничего от внешних единиц и чисел: она совершенно точно достаточна самой себе, всесовершенна во всех своих числах, в полноте которых распространяется как магическими способами, так затем и необыкновенным действием искусника. Ради величайшей пользы самой Монады, её достоинства и могущества, она возвращается к собственной первой материи; всё же, что не принадлежит её природной и наследственной пропорции, с величайшей заботой и тщанием отделяется и навсегда отбрасывается в нечистоты.

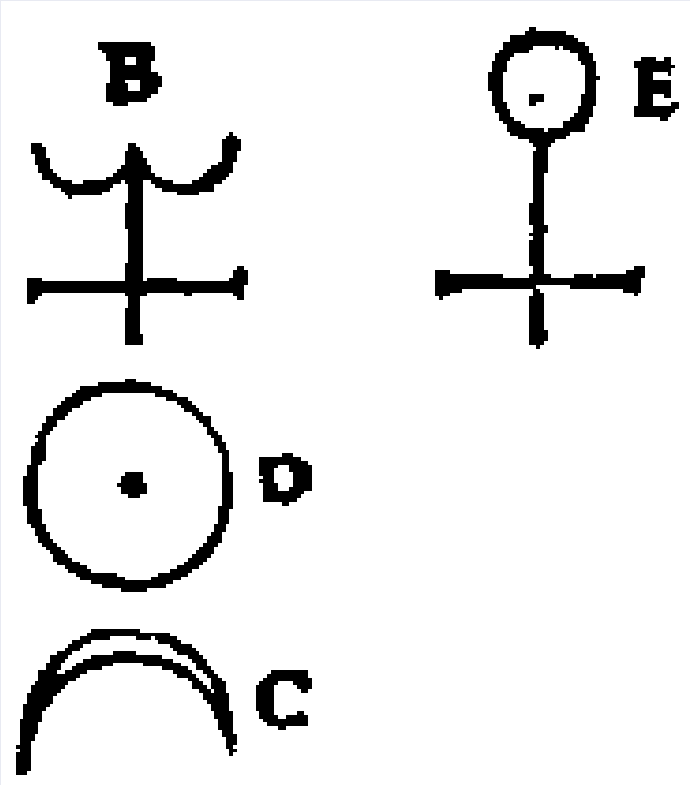
Теорема XXI

Вы уже видели выше, какое философское превращение Монады совершилось бы, если бы сокрытое внутри, в её глубине, вышло наружу, а первые, словно внешние её части, напротив, были заключены в центре. Теперь мы изложим другую перемену мест в мистической Монаде через те её части, из которых первоначально предстали перед нами иероглифические знаки высших планет. Прочие планеты для этого поочерёдно обращаются вверх и получают положение, какое, мы видим, часто назначает им Платон. Если надлежащим образом взять их в этом положении, то в вершине Овна соединяются Сатурн и Юпитер. Ниже крест представляет Венеру и Меркурия; затем следует само Солнце и внизу Луна.

Но это будет обсуждено в другом месте. Поскольку я не пожелал скрывать философские сокровища нашей Монады, мы решили привести причину, по которой её положение таким образом изменено. Смотри же и слушай другие, ещё большие тайны, которые, как я знаю, будут полезны тебе относительно этого положения и которые я объясню в немногих словах. Разделим Монаду, поставленную этим новым способом, на анатомические члены B, D, C. В этой новой Троице фигуры C и D знакомы даже

крестьянам. Третью же фигуру, обозначенную B, не так легко узнать всем.

Надо весьма внимательно рассмотреть, что знакомые формы D и C являются как сущности, отделённые и отличные от фигуры B. Во-вторых, рога фигуры C, как мы видим, обращены вниз, словно к земле; та часть D, которая освещает C, также обращена к земле, то есть вниз. Только в её центре видима истинно земная точка. Наконец, эти две фигуры, D и C, направленные книзу, лучше, чем B, образуют иероглифическое указание на Землю. Земля же может иероглифически представлять нам устойчивость и закрепление. Предоставляю тебе заключить отсюда, что такое C и D. Теперь можно заметить великую тайну: каким образом всё

ранее сказанное нами о Солнце и Луне получает здесь более совершенное и совершенно необходимое истолкование, тогда как прежде оба светила стояли вверху, а лунные рога были подняты. Но об этом сказано достаточно.

Теперь исследуем природу третьей фигуры, B, согласно основаниям нашего иероглифического искусства. Прежде всего мы видим, что она несёт наверху двойной лунный серп: это наш Овен, но мистически перевёрнутый. Затем к нему присоединён иероглифический знак стихий. Удвоенную Луну в отношении предложенной материи можно объяснить как двойную степень Луны. Скажем же об этих степенях, которых опытные исследователи природы во всех сотворённых сущностях находят только четыре: быть, жить, чувствовать и понимать — esse, vivere, sentire et intelligere. Замечая здесь первые две степени, скажем: Луна существующая и живая. Некоторые определяют всякую жизнь движением; основных же видов движения — шесть. Присоединённый крест указывает, что здесь требуется искусство стихий. Кроме того, мы много раз говорили в наших теориях, что иероглиф Луны есть полукруг, а полный круг, напротив, означает Солнце. Здесь же у нас два полукруга, но раздельных, хотя соединённых общей точкой. Будучи сведены вместе, что возможно некоторым искусством, они могут представить круговую полноту Солнца. Из совокупного рассмотрения всего этого следует, что здесь мы можем кратко и иероглифически произнести следующее:

Луна существующая и живая, которую надлежит обработать магистерием стихий, обладает способностью представить солнечную полноту через свои два полукруга, соединённые тайным искусством.

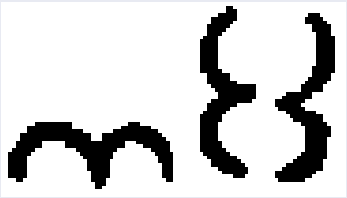
Пусть же названный круг, обозначенный на рисунке буквой E, будет завершён и образован. Вспомним прежде всего, что эта солнечная степень не представлена нам природой: она искусственна и изготовлена. Первоначально, в первом своём виде и согласно собственной природе, она явилась нам, как в B, двумя

разъединёнными и разложенными частями, а не прочно соединённой солнечной формой. Наконец, полудиаметр этих полукругов не равен полудиаметру D и C, как мы их построили и как всякий может видеть, но гораздо меньше. Поэтому ясно, что B не имеет такой протяжённости, как D и C. Само E прекрасно это подтверждает, поскольку B таким способом превратилось в круг, в фигуру E. Тогда перед нашими глазами возникает один лишь знак Венеры. Этими иероглифическими умозаключениями мы уже доказали, что из B нельзя получить истинное D, а истинная C также не могла всецело находиться в природе B. Следовательно, последнее не могло быть истинной живой Луной.

Теперь ты можешь сомневаться относительно этой жизни и движения: обладают ли ими истинно и по природе? Однако, как мы уже объяснили мудрецам, всё сказанное подобным образом о B будет по крайней мере аналогическим; и всё, чему мы кратко научили относительно C и D, вполне, но по аналогии, подходит тому же B вместе с его стихиями. Даже добавленное нами о природе Овна должно точно подходить ему, поскольку B несёт эту фигуру, хотя и перевёрнутую, на своей вершине и она присоединена к тому же B, которое есть мистическая фигура стихий.

Эта анатомия показывает, что из единого тела нашей Монады, разделённого нашим искусством, образуется новая Троица. Поэтому мы не можем сомневаться, что составляющие её члены заключают в себе и словно добровольно допускают между собой совершеннейшую симпатию и монадическое единство. Следовательно, в этих членах находится деятельная магнитная сила.

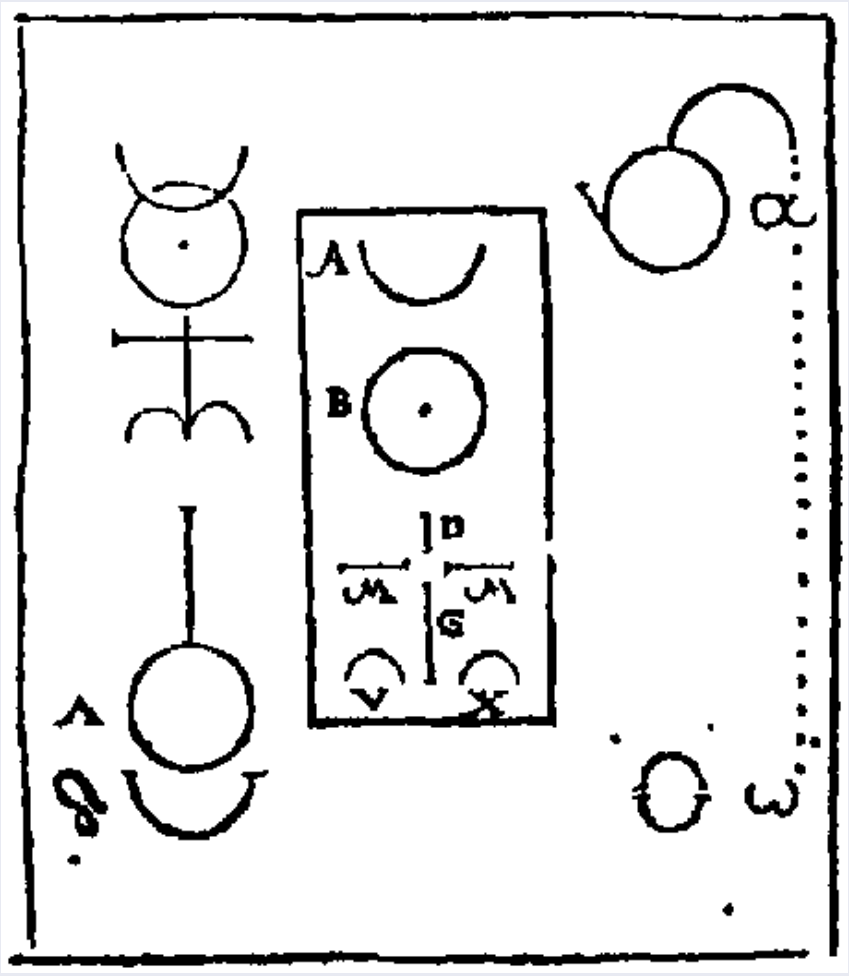
Наконец, ради отдохновения я счёл полезным заметить: то же B весьма ясно представляет нам столько грубых, неоформленных букв, сколько несёт видимых точек вверху, на вершине, словно на лбу. Буквы эти таковы:

Их три, или иначе шесть, или в совокупности трижды три. Они весьма грубы и неоформленны, малоустойчивы и непостоянны, устроены так, что кажутся составленными из одного или нескольких полукругов. Способ же придать этим буквам более устойчивую и твёрдую форму находится в руках опытных знатоков письма. Здесь перед моими глазами стояла бесконечность тайн; но этой игрой я захотел прервать настоящее рассмотрение. Однако не понимаю усилий некоторых, восстающих против меня, хотя я, восстановив Монаду в её первом мистическом положении и искусно расположив все её члены, хотя бы однажды предупреждаю и призываю их тщательно исследовать, чем был тот Овний огонь первого тригона, Ignis Aretinus. Что такое наш равноденственный огонь? Благодаря чему Солнце могло возвыситься над своей обычной степенью? И многое иное, ещё превосходнейшее, должно быть исследовано счастливейшими и мудрейшими размышлениями. Но теперь, спеша перейти к другому, мы пожелали лишь не только дружески, но и вернейшим образом указать путь к другим тайнам, на которых следует задержаться, умолчав, как сказано, о замечательной бесконечности прочих.

Теорема XXII

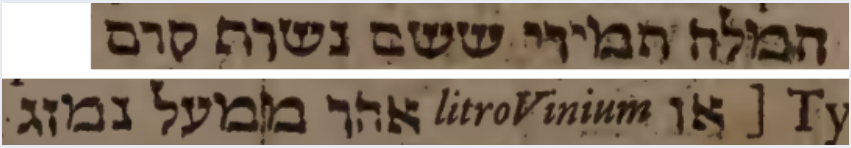
Легко будет понять, что тайны нашей Монады ещё не исчерпаны, если я предложу здесь Вашей Королевской Светлости созерцать сосуды священного искусства, поистине и всецело каббалистические, искусно извлечённые из мастерской этой же Монады и подлежащие открытию только посвящённым. Итак, умело разорвав все связи, соединявшие различные части Монады, мы дадим каждой части особую букву для различения, как видно здесь.

Мы укажем, что в *α* находится некоторый искусственный сосуд, составленный из A и B вместе с линией M, так что общий им диаметр выведен наружу. Как видно, он отличается от первой буквы греческого алфавита лишь одной местной перестановкой частей. Ибо мы первыми учим истинной и мистической соразмерности этой буквы посредством прямой, круга и полукруга, хотя выше уже указывали, что она может быть образована только кругом и полукругом: всё сводится к тому же

мистическому смыслу. Далее, λ и δ прежде всего представляют словно образы других сосудов: λ — стеклянного, δ — глиняного. Во-вторых, λ и δ могут напомнить нам о песте и ступке. Их действительно следует приготовить из такого вещества, чтобы мы могли ими измельчать в тончайшие порошки искусственные непросверленные жемчужины, кристаллические и берилловые пластинки, хризолиты, затем драгоценные рубины, карбункулы и другие редчайшие искусственные камни. Наконец, обозначенное буквой ω есть малый сосуд, преисполненный тайн. От этой последней буквы греческого алфавита, ныне возвращённой к её первоначальному тайноводству, он отличается лишь одной явной перестановкой частей и, как она, состоит из двух полукругов.

Об обычных, также необходимых формах сосудов и веществах, из которых их надлежит изготовлять, здесь говорить нет надобности. Следует, однако, учесть: α получает случай исполнить своё назначение благодаря сокровеннейшему и быстрейшему устройству дыхания; и

даст начинающим самый доступный первоначальный образец ДЕЛА, пока им не станет известен более искусный путь приготовления тончайших вещей. Но в λ, стеклянном сосуде, при исполнении его главного назначения всякий внешний воздух или ветер причинит большой вред.

Следствие

ω же — человек на всякий час, omnium horarum homo. Кто теперь не может предчувствовать сладчайшие и благотворнейшие плоды священного искусства, рождающиеся, говорю, из тайны только этих двух букв? Некоторые из них мы извлечём из наших садов Гесперид и поднесём ближе, чтобы их можно было увидеть словно в зеркале. Обнаружится, что они составлены не из чего иного, как из нашей Монады. Ведь прямая, являющаяся в Альфе, соответствует той части креста в последней анатомии, которая обозначена буквой М. Можно также установить, откуда сюда происходят остальные.

α	Сущее до стихий	Смертный Адам, мужчина и женщина	Умерщвляющий себя	Покрытый тенью	Рождённый в хлеву
+	Устроение стихий	Завершение стихийной генеалогии	Крест	Крест	Принесённый во всесожжение на Кресте
ω	Сущее после стихий	БЕССМЕРТНЫЙ АДАМ	Оживляющий себя	Всецело явленный	Царь царей повсюду

Зачатый собственным влиянием	Семя могущества	Сотворение материи	Земной брак	Начало	α
Казнённый и погребённый	הוהי — десятеричная сила	Очищение стихий	Мученичество Креста	Середина	+
Воскресающий собственной силой	Торжество славы	Преображение	Божественный брак	Конец	ω

Этими немногими словами я, знаю, даю не только начала, но и доказательства тем, в ком живёт и крепнет огненная мощь и небесное происхождение, чтобы отныне они охотно внимали великому Демокриту. Ибо его учение не мифическое, но мистическое и тайное: лекарство души, освобождающее от

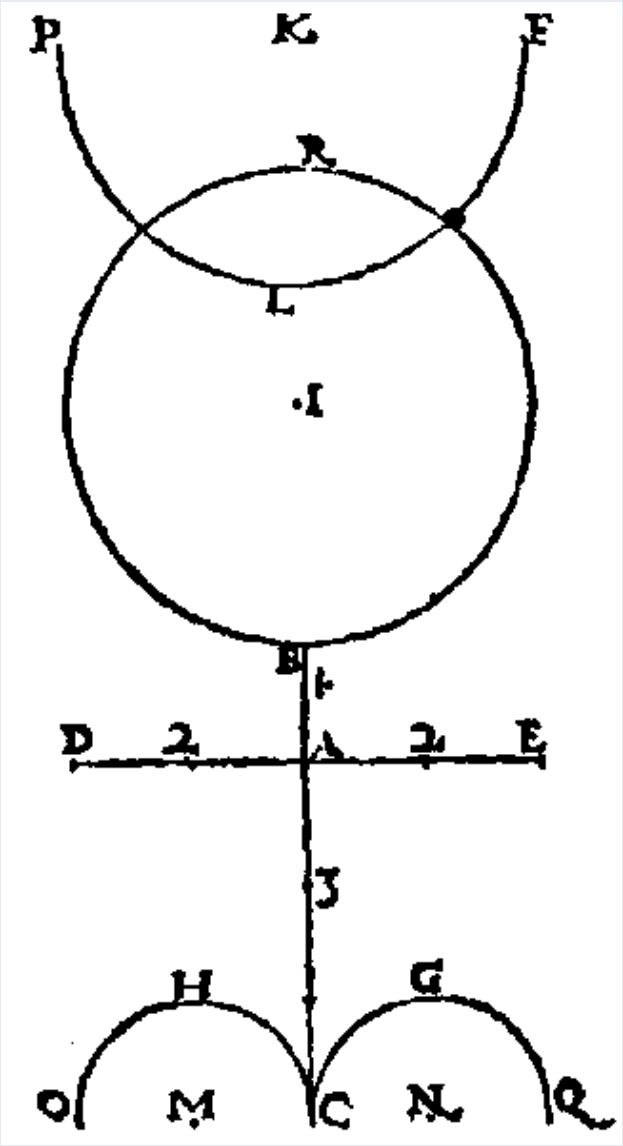
всякого страдания, приготовлено для желающих, βουλομένοις; как он учил, его ищут по гласу Творца Вселенной, чтобы боговдохновенный и божественно рождённый человек научился посредством совершенного исследования и мистических речей.

Теорема XXIII

Теперь мы представим здесь, тщательно начертав, соразмерности, уже соблюдённые нами в иероглифическом построении Монады. Их следует соблюдать и тем, кому будет угодно изображать её на печатях или перстнях либо употреблять каким-нибудь другим способом. Во имя Иисуса Христа, пригвождённого ко кресту, Чей Дух быстро пишет через меня всё это — я же, надеюсь и верю, лишь трость, выводящая знаки, — извлечём теперь все названные меры из нашего креста стихий. Этого требует и следующее основание, сообразное предмету рассуждения: всё под небом Луны, содержащее начало своего возникновения, либо образовано совокупностью четырёх стихий, либо есть сама стихийная сущность, различными неизвестными толпе способами. Поскольку ни в одной сотворённой вещи стихии не находятся в равной пропорции или силе, однако посредством искусства в некоторых вещах могут быть приведены к равенству, как знают мудрецы, мы устанавливаем в нашем кресте равные и неравные части. По другому основанию это можно назвать подобием и различием, единством и множественностью, тайно допуская особенность равностороннего креста, как мы предупреждали выше. Но если бы мы изложили каждое известное нам основание установленных соразмерностей или доказали их причины иным способом, нежели сделано — достаточно обильно для мудрецов — во всём этом сочинении, то перешли бы пределы, не без основания назначенные нашей речи.

Дана какая-либо точка в плоскости, например A. Через неё и за неё в обе стороны проводится достаточно длинная прямая CAK.

На CK восстанавливается перпендикуляр, продолжающийся достаточно далеко в обе стороны — до бесконечности, как обыкновенно и справедливо говорят геометры, обходя тем самым затруднение; пусть это будет DAE. Затем на AK в произвольном месте берётся точка B, и получается первое расстояние AB, которое послужит общей мерой нашего построения. Взяв его втрое, отложим от A к C: получим AC. Далее отложим два расстояния AB в AE, а затем в AD, так что всё расстояние DE будет вчетверо больше AB. Тогда нами образован крест стихий, то есть Четверица линий AB, AC, AD и AE.

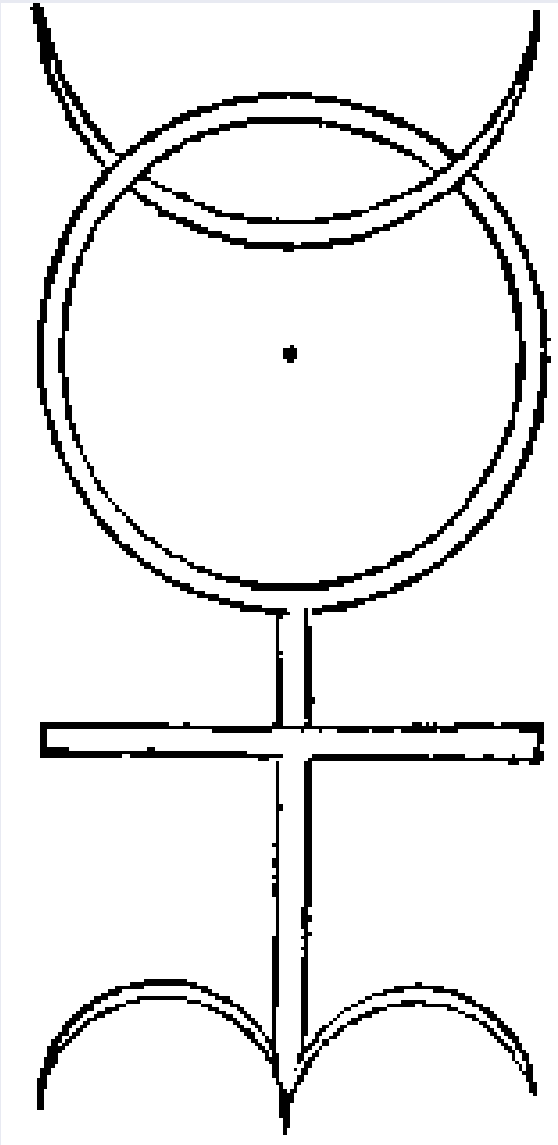
Теперь на линии BK откладывается расстояние, равное AD, и получается BI. Из точки I как центра с радиусом IB описывается круг BR, пересекающий прямую AK в точке R. От R к K на прямой

откладывается длина, равная AB, — RK. Из точки K проводится достаточно длинная прямая, образующая с AK по обе стороны прямые углы: это будет PFK. Из той же точки K в направлении F возьмём расстояние, равное AD, — KF. Из K как центра с радиусом KF опишем полукруг FLP, так чтобы FKP был его диаметром. Наконец, в точке C восстановим к той же линии AC перпендикуляр, достаточно протяжённый в обе стороны, — OCQ. Затем на CO от C отложим расстояние AB: получим CM. Из M как центра с радиусом MC опишем полукруг CHO с диаметром CMO. Равным образом на CQ от точки C вновь отложим расстояние, равное AB, — CN. Из центра N с радиусом NC проведём полукруг CGQ с диаметром CNQ. Утверждаем, что теперь в нашей Монаде разъяснены и начертаны все требуемые соразмерности.

Знающему законы механики здесь полезно напомнить: вся линия CK состоит из девяти частей, одна из которых является нашей основной мерой; это другим путём может способствовать совершенству нашего дела. Далее, все диаметры и полудиаметры следует обозначать лишь мысленными, как говорят геометры, линиями; не должно оставлять видимым никакого центра, кроме солнечного, отмеченного здесь буквой I; не следует добавлять никаких букв. Однако искусный механик может ради украшения прибавить к солнечной окружности кольцевую боковую поверхность, ограниченную линией, параллельной первой, — по некоторой мистической необходимости, которую по этой причине мы ещё не рассматривали. Расстояние между параллелями можно положить приблизительно равным четверти или пятой части AB. Также он может придать лунной окружности ту рогатую форму, в какой планета появляется на небе вскоре после соединения с Солнцем. Для этого из точки K по направлению к R надо отложить названную четверть или пятую часть AB и из полученной точки как центра прежним лунным радиусом провести вторую часть окружности, которая

тончайшим прикосновением сойдётся с обоими концами первого полукруга.

Та же операция может быть повторена в точках M и N: через каждую восстанавливаются перпендикуляры, на них откладывается шестая часть AB или немного меньше, и из полученных центров с прежними радиусами MC и NC наружу описываются два других полукруга. Наконец, по обе стороны двух линий нашего креста можно провести параллели, отстоящие от средней линии каждая на восьмую или десятую часть AB. Так крест будет словно составлен из четырёх линейных поверхностей, ширина которых равна четвёртой или пятой части той же прямой AB.

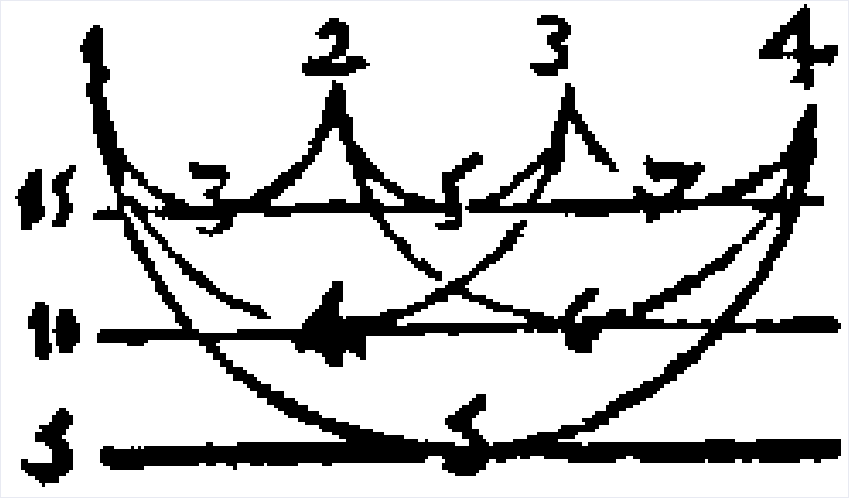

Эти украшения, которые каждый может воспроизводить по своему усмотрению, я пожелал некоторым образом набросать на рисунке. Однако пусть не будет допущено ни малейшей ошибки

против наших мистических соразмерностей, чтобы из-за небрежности новая и крайне необходимая наука иероглифического соизмерения не оказалась с течением времени разрушена или искажена гораздо глубже, чем мы могли или хотели указать в этой малой книге, как с Божьего соизволения научит Истина, дочь Времени.

Теперь мы последовательно изложим некоторые вещи, которые может встретить на своём пути упражняющийся в соразмерностях нашей Монады. На нескольких примерах покажем существование четырёх линий, расположенных согласно Четверице линий нашего креста, которые нельзя просто выразить по отношению к ней; затем — их особую мистическую пропорцию и отношение, получаемые иным образом из Четверицы тех же линий; в-третьих — существование в Природе некоторых полезных и установленных Богом действий, определяемых посредством чисел, тщательно извлечённых нами как из этой теоремы, так и из остальных, содержащихся в книге. Наконец, прибавим в надлежащем месте другое, что, будучи правильно понято, принесёт обильнейшие плоды; этим мы весьма кратко закончим.

О пифагорейской Четверице

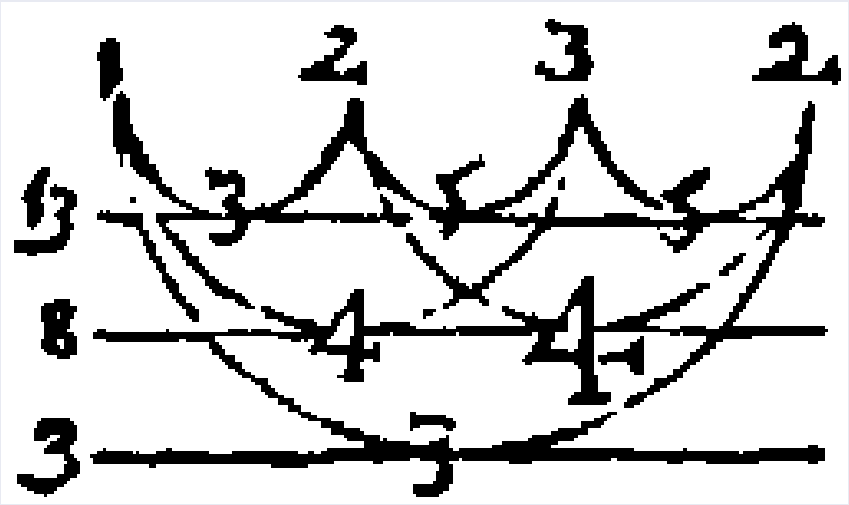

Число всех возможных перестановок — 24. Пифагорейская сумма — 10. Сложение частей всеми способами даёт 30.

1 × 2 × 3 × 4 = 24. 1 + 2 + 3 + 4 = 10. 10 + 15 + 5 = 30.

Сколько бы чисел ни было написано в естественном порядке, начиная с первой Монады, если от первого к последнему производить непрерывное умножение — первое умножить на второе, произведение их на третье, это произведение на четвёртое и так до конца, — конечное произведение определит все возможные перестановки в стольких местах и по тому же основанию в стольких различных вещах, сколько пожелают. Поэтому я вверяю тебе, о король, эту операцию, весьма полезную во многих случаях как при изучении природы, так и в прочих делах управления людьми. Сам я имею обыкновение с величайшим удовольствием применять её в еврейском цируфе, или темуре.

Об искусственной Четверице

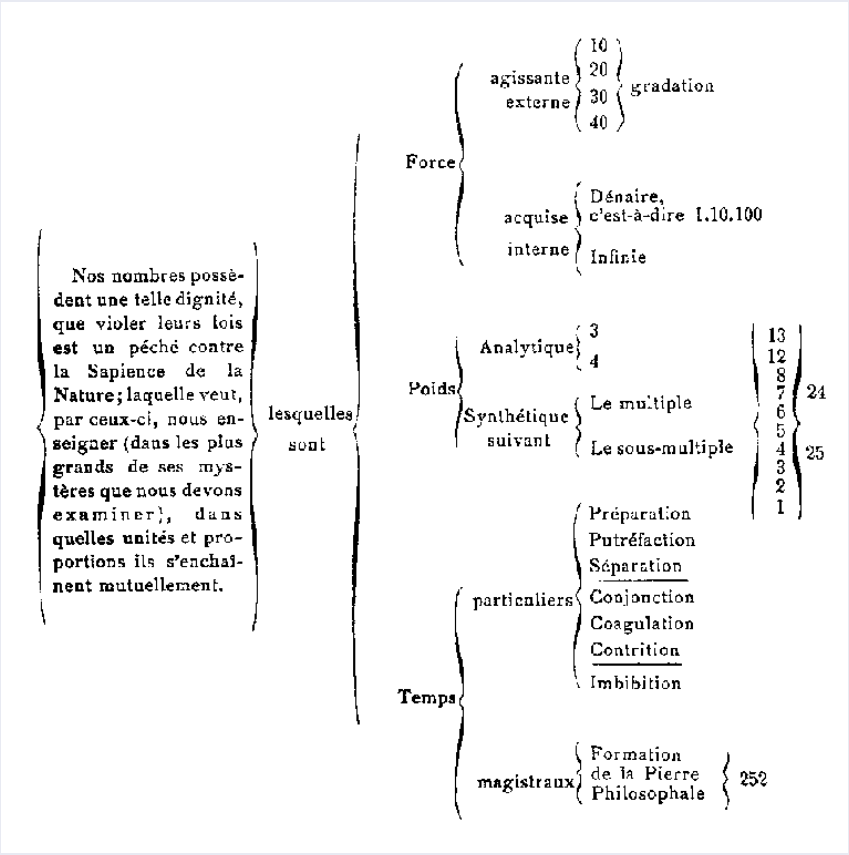

Непрерывное умножение даёт 12. Простое сложение даёт 8 = 1 + 7 (= 4 + 3). Сумма сложения частей всеми возможными способами даёт 24.

1 × 2 × 3 × 2 = 12. 1 + 2 + 3 + 2 = 8. 13 + 8 + 3 = 24.

Это равно числу всех возможных перестановок Четверицы и определяет физическую чистоту и высшее совершенство золота в 24 карата, когда его рассматривают в собственном существовании на Земле.

Я, конечно, знаю, что арифметической силой и формальной мощью из Четверицы может быть произведено множество других чисел. Но кто не поймёт, что извлечённые мною из природы и выделенные из столь великого множества числа освещают глубочайшую тьму, тот вправе считать свой ум тупым, а не острым. Какой же властью обладают наши числа, согласно обещанному, во взвешивании стихий, определении мер времени и установлении степеней могущества и силы вещей, следует рассмотреть на следующих схемах.

Наши числа обладают таким достоинством, что нарушать их законы — грех против Мудрости Природы. Ибо через них она желает научить нас, в числе величайших тайн, какие единства и пропорции связывают взаимно то, что надлежит исследовать.

Сила	Действующая, внешняя	Ступени: 10, 20, 30, 40
Сила	Приобретённая, внутренняя	Десятеричная, то есть 1, 10, 100; бесконечная
Вес	Аналитический	3, 4
Вес	Синтетический: кратное и доля	13, 12, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1; 24, 25

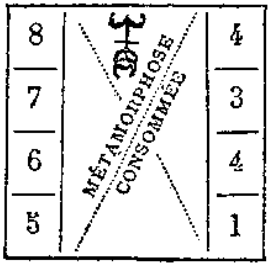
Время	Особые сроки	Приготовление; гниение; разделение; соединение; сгущение; истирание; напитывание
Время	Магистериальные сроки	Камень; закваска: 252

HORIZON du TEMPS

4	Poignée de Feu	1000	7	
3	d'Air	100	6	5
2	d'Eau	10	4	3
1	de Terre	1	2	1

L'énigme de la décuple proportion des Anciens expliquée

HORIZON de L'ÉTERNITÉ

Octonaire de notre Croix

RÈGNE

du Corps, de l'Esprit, de l'Ame

1	2		3
Ténèbres	Sérénité Cristalline	Citrinité	Anthrax
	12.13		24 25

LE QUATERNAIRE qui est la Numération que sabbatise notre monade, parvenue à la Souveraine puissance de l'Art et de la Nature.

TERRESTRE	CÉLESTE ÉTHÉRÉ	SUPERCÉLESTE

AINSI A ÉTÉ FAIT LE MONDE

Горизонт времени

4	Огня	1000	7
3	Воздуха	100	6, 5
2	Воды	10	4, 3
1	Горсть земли	1	2, 1

Объяснённая загадка десятикратной пропорции древних.

Горизонт вечности

8	Завершённое превращение	4
7		3
6		2
5		1

Восьмерица нашего Креста.

Царство тела, духа и души

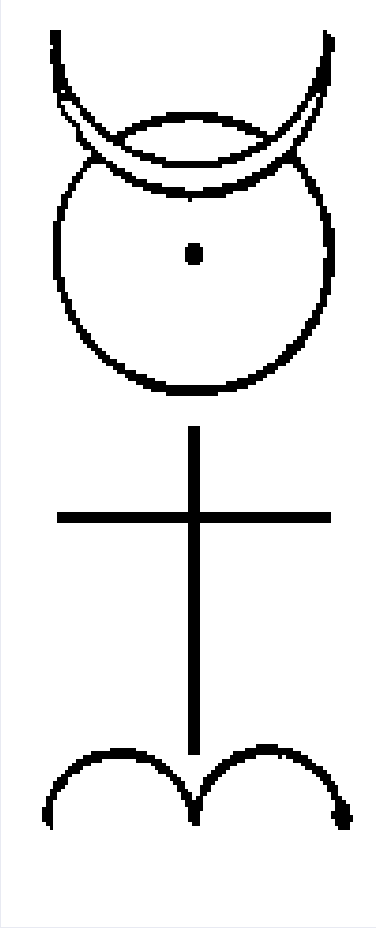
1	2	3	
Мрак	Кристаллическая ясность	Желтизна	Антракс
	12, 13		24, 25
ЗЕМНОЕ	НЕБЕСНОЕ, ЭФИРНОЕ		

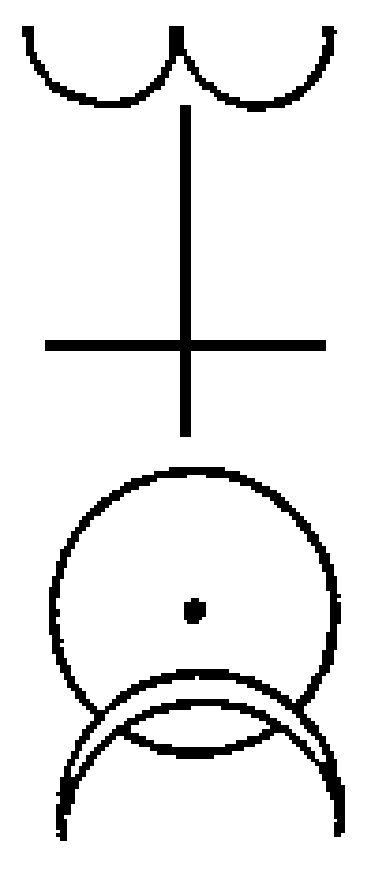
СВЕРХНЕБЕСНОЕ. ЧЕТВЕРИЦА есть то счисление, в котором наша Монада обретает субботний покой, достигнув высшего могущества Искусства и Природы.

ТАК БЫЛ СОЗДАН МИР.

Из предыдущих схем можно вывести многое, что лучше безмолвно изучать и глубоко обдумывать, нежели открыто разглашать словами. Однако из многого мы укажем одно,

впервые обнародованное нами, как и всё это новое искусство: здесь нами установлено разумное основание, по которому Четверица или Десятерица некоторым образом завершают числовые ряды. Мы утверждаем, что основание это не совсем таково, каким описывали его прежние учителя, но таково, как мы изложили здесь. Когда эта Монада всецело и физически возвращена к себе самой, то есть поистине стала единейшей Монадой, испытанным единством магов, ни природа, ни какое-либо искусство не могут возбудить её к движению или продвижению иначе как четырьмя сверхнебесными обращениями. Отсюда рождается то, что мы пожелали отметить таким образом ради его превосходства.

Поэтому в стихийном, небесном или сверхнебесном мире нет никакой сотворённой силы влияния, которой она не была бы вполне наделена и обогащена. Истинного её действия некогда сообща достигли в своём деле четыре славных друга философии. Изумившись однажды столь великому чуду этой вещи, со следующего дня они всецело посвятили себя воспеванию и проповеди хвалы Всевышнему Богу, столь щедро даровавшему им мудрость, силу и власть над остальными созданиями.

Теорема XXIV

Как мы начали вступление к этой малой книге Точкой, Прямой и Кругом и обвели вокруг нашей монадической точки крайнее линейное истечение стихий в круг, почти подобный равноденственному, завершающему обращение за 24 часа, так теперь наконец нашей двадцать четвёртой теоремой мы завершим и окончим превращение и всевозможные перестановки Четверицы, определяемые числом 24. Во славу и честь Того, Кто, по свидетельству Иоанна, верховного предстоятеля божественных тайн, в четвёртой и последней части четвёртой главы Откровения сидит на Престоле. Вокруг и перед Ним четыре Животных, каждое с шестью крылами, день и ночь без отдыха говорят:

Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядёт.

Ему же поклоняются двадцать четыре старца на двадцати четырёх престолах, поставленных кругом; падая ниц и полагая свои золотые венцы на землю, они говорят:

Достоин Ты, Господи, принять СЛАВУ, ЧЕСТЬ и СИЛУ, потому что ТЫ сотворил ВСЁ, и по ТВОЕЙ ВОЛЕ всё существует и сотворено.

АМИНЬ, ГОВОРИТ ЧЕТВЁРТАЯ БУКВА Δ.

Тот, кому БОГ дал волю и способность запечатлеть это божественное таинство вечными памятниками письмен и спокойнейшим образом завершить 25 января эти свои труды, начатые 13-го числа того же месяца.

В 1564 году, в Антверпене.

Ум судит об истине. Соприкосновение в точке.

Обыкновенный глаз здесь ослепнет и сильно усомнится.